Доброй памяти бабушки
Анастасии Ивановны

1

На рыхлом голубоватом снегу чётко вырисовывались три свежих следа. Они то расходились и шли друг подле друга, то вытягивались в одну извилистую цепочку. Следы вели вдоль заснеженных кромок полей и полянок, на которых осанисто стояли стожки сена и скирдушки соломы в белых беретах. Вот все три следа сошлись возле золотистого бока скирды, образуя неровные утоптанные площадочки. На одной из площадок валялась тёмная стреляная гильзочка от тозовки-мелкашки. Ещё правее, в снегу, виднелись три маленькие дырочки, оставленные точно такими же гильзами.

От скирды следы побежали вразброс к большой ветвистой берёзе, что была метрах в сорока от неё. Берёза стояла на отшибе, зазнаисто отдалясь от других деревьев, плотно обнимавших поляну. С верхних веток берёзы были сбиты снежные одёжки, а внизу снег будто поперчили шелухой от почек и серёжек. А ещё под берёзой виднелось с десяток ямок с застывшими возле них светло-коричневыми шматочками – косачи ночевали, оставив свои нехитрые автографы. Шагах в четырёх от шершавого ствола берёзы просматривалась ещё одна ямка с матовыми бусинками крови.

От берёзы следы повели дальше, сначала к краю поляны, а потом и вовсе – в рямный[1] лесок. Похоже, охотники гнались за табунком косачей, перелетевшим в согру и рассевшимся по нестройным осинам и сосёнкам. Следы опять перешли в короткие, осторожные, крадущиеся.

Стояла вторая половина ноября. Стремительно сужающийся ноябрьский денёк торопился в долгую сибирскую зиму, шестнадцатую послевоенную.

Родившаяся после войны детвора всё ещё играла в наших и немцев.

После вчерашнего снегопада установилась тихая погода, с морозцем градусов под двадцать. В рямном редколесье перепархивали синицы и какие-то серые птахи, изредка посвистывая и обклёвывая заплутавшиеся рябинки.

[1] Рям – моховое болото с порослью.

Следы охотников пересекались то со стёжками лисьих, то с петельками заячьих. Косачи раз пять уже подпускали к себе азартных охотников, но бдительные стражи уводили табунок дальше, не дав сделать более ни одного выстрела.

Из согры трое подростков снова вышли на поля, остановились, разопревшие от ходьбы по бездорожью. Валенки и штаны навыпуск у всех троих были выбелены сухим снегом. И лишь на пузырчатых коленках штанов образовались ледяные коросты.

Старший из ребят, четырнадцатилетний Лёка, снял из-за спины обшарпанную тозовку[2], присел на корточки, поставив приклад винтовки между коленей; громко по-лосиному хоркнул и смачно выплюнул толстыми губами с кончика языка комок слизи. Через расстёгнутую фуфайку, откуда-то изнутри, достал помятую пачку папирос «Байкал», вынул тоненькую папироску, пережал гармошкой и сунул в левый уголок рта. Чиркнул спичкой, затянулся и стал картинно пускать изо рта сизые кольца дыма, глухо, порыбьи шлёпая губами.

– Лёка, дай закурить? – попросил второй паренёк, лет двенадцати, со старомодным именем Сидор.

– Свои надо иметь, – куражился Лёка.

Сидор небрежно отбросил в сторону убитую тетёрку, которую таскал за лапки от той самой берёзы, снял рукавицу, набрал в горсть снега, скомкал его и откусил. От снега заныли зубы.

– Не ешь, – посоветовал третий, самый младший, десятилетний Мишка Штырбу, – горло заболит.

Как и все, Мишка был одет в полинявшую фуфайчонку. На руках – шерстяные вязаные варежки, обшитые сверху тёмно-синей фланелью, они едва доходили до костяшек запястий. Ноги обуты в тёплые лёгкие катанки, подошвы которых на днях он впервые подшил самостоятельно капроновыми нитками, надёрганными из комбайновых ремней. Голову Мишки украшала новая магазинная чёрная ушанка из длинной кучерявой овчины. Мишка снял шапку с головы, шапка слегка парила своим нутром. Он стал завязывать тесёмки, завернув на затылок шапки её лохматые уши.

– Лёка, давай хоть в цель постреляем, – предложил опять Сидор. – А то скоро стемняет. Я у папки стырил из пачки десять патрончиков.

Сидор залез правой рукою в карман штанов и вытащил оттуда горстку патрончиков. Патрончики Сидора были совсем другого цвета, не пульки, конечно, – гильзочки. Они отливали красной медью, а на самой шляпке чётко проступала чеканная звёздочка.

– Спортивные, – компетентно заявил Мишка. – У нашего отца тоже такие были – из Новосибирска мамин брат присылал. Ништяк бьют! Летом мы ими щук глушили. А попадёшь – так полторушку запросто пополам рассекали, четвертушку – и подавно... Не то что твои пукалки, – добавил он, намекая Лёке на плохие патроны, у которых, видать, вышел срок годности или вовсе порох отсырел.

– Куда стрелять-то будем? – поинтересовался Лёка, опять с шумом харкнув в снег.

– Как куда? По косачу! Что, я зря его таскаю всё время? Ты же мне его не отдашь, так хоть пальнуть по нему дай, – отозвался Сидор.

– Ну да! Так я и дал вам свою тятёрку портить... Опосля все зубы свинцом переломаешь...

– Зато нашпигуем её, как колбасу салом, – хохотнул Сидор-книгочей. – Будем влёт стрелять по ней. Мишка подбросит – я пальну!

– В случае чего пульки те можно будет и на грузила использовать, – подыграл Сидору Мишка.

– Молчи уж, Кнобзя! – обидно обозвал Мишку Лёка.

...На охоту с Лёкой Мишка не собирался. Сидор сманил. Сидор первым заметил, как Лёка, крадучись, с тозовкой под фуфайкой, прошмыгнул огородами к колхозным амбарам, что стояли на самом обрыве. Между амбарами и обрывом узкой тропинкой Лёка вышел к силосной яме, а от неё вела тропинка вниз, вдоль согры к кузне. А уж от кузни, что стояла на самом краю деревни, куда хочешь иди – никто не заметит.

Кроме Лёкиной тозовки, ни у кого из охотников другого оружия не было. Да и Лёкину-то тозовку, что нашли они как-то на чердаке в пустом доме уехавшей молдаванки Тамарьяны, милиционер Ламинов едва не отобрал, когда приезжал из райцентра в их Краснояр. Ладно, тогда спрятал её Лёка в сеннике – участковый все углы обшарил в их доме, даже в баню заглядывал. Соседи на Лёку донесли: озорничает пацан – кошек стреляет, собак, куриц, почти всех голубей поизвёл.

[2] ТОЗ – советская малокалиберная спортивная винтовка.

В тот день Сидор с Мишкой и Толькой Кичигиным после уроков жуланов ловили решетом от веялки под навесами колхозных амбаров. Насыпали горку овса с пшеницей на ровный стылый земляной пол; над ней палочкой настроили квадратное, в метр, решето с продолговатыми дырочками от ручной веялки. К той палочке верёвку привязали, а сами в укрытие спрятались. Серенькие воробьи, зеленобокие синицы-жуланчики, малиновые снегири спархивали с любопытством поодиночке к решету. Мелкими прыжочками сбивались под решето к насыпанному зерну-приманке, сторожко клевали дармовщинку.

По очереди ребята дёргали за палочку, когда под решетом оказывалось с пяток пташек. Решето падало и накрывало их. Подержав в руках пойманных жуланов и снегирей, отпускали их снова на волю, высоко подбросив верх.

А недавно всё тот же Лёка придумал новую забаву – игру в фашистские подбитые самолёты. Под навесом амбаров стоял маломощный карбюраторный движок, который иногда подключали к веялке или соломорезке. Лёка выдёргивал резиновый патрубок, из которого сочился бензин, и подставлял под струйку бензина хвостик жулана или воробья. Снегирей было нельзя – красногрудые, стало быть, наши, советские! Вся ватага направлялась с облитыми бензином птахами за амбары, к обрыву. Там Лёка подносил спичку к хвостику пташки и горящую бросал вверх. Птаха вспыхивала и охваченная пламенем и копотью пикировала под гору, как подбитый вражеский самолёт... Следом летела другая.

Забаву эту, как и многие другие, быстро пресекли взрослые. «Кто выдумал?!» «Лёка!» – валила всё на Лёку детвора. И опять на Лёку участковому Ламинову жалоба.

Только Лёке – всё как с гуся вода. Упрётся бараном, набычится, глядит исподлобья. Отпирается, на других сваливает. Может и обещания дать, что не будет больше никогда такого делать. Лишь крупная бородавка на мочке левого уха, как серьга, рубином загорается. Не помогали, однако, ни укоры тётки Анисьи – матери Лёки, ни обещания отца Вацлава выпороть хулигана, ни воспитательные беседы учительницы Анастасии Фоминичны…

– Айда со мною, – предложил Лёка Сидору, – косачей за кузней видели.

– Что, прямо за кузней? – засомневался Сидор.

– Ну не за кузней – за могилками... Можно за Овраг сходить или на Попово... Там-то уж – верняк!

– Пойдём с Лёкой! – предложил Сидор. – Жуланы надоели уже. У меня и патрончики есть, хоть постреляем там!

– Не, я не пойду, – сразу отказался Толька Кичигин. – Я ещё дров не наколол дома. И стихотворение не выучил...

– Миха, а ты? Тоже не выучил стишок?

– Да ладно, идём...

2

Оставляя косые длинные тени от деревьев, стожков и перепирающихся охотников, солнце падало к горизонту. Скоро темнеть начнёт.

– Давайте тогда уж по шапкам стрелять, – перепаснул Лёка предложение Сидора. – По убитой тятёрке неинтересно... Сидор, ты хотел стрелять своими... спортивными. Бросай свою шапку!

Сидор стащил с головы суконную шапчонку, близоруко оглядел её и снова нахлобучил на голову.

– Чё, жалко? – ехидно сказал Лёка, – или боисся, что из неё решето сделаю? Будете тада с Кнобзей жуланов ловить ею... Тада пусть он свою кидат.

«Издевается, паразит! И зачем только согласился идти с ним на охоту? Свяжись только с этими Кубеками... Знает ведь, что шапка новая, всего неделю, как привёз её папка из Парабели... Дразнить начнёт ещё, что боюсь папки», – подумал Мишка, а вслух произнёс:

– Тогда уж и стрелять я буду в неё сам.

Для себя Мишка решил, что нарочно будет мазать по шапке, пусть хоть забросается губошлёп Лешек. Он снял свою шапку, кинул Лёке. Лёка зачем-то развязал тесёмки. Уши шапки снова повисли, как у гончей собаки.

Мишка взял тозовку, щёлкнул снизу вверх и назад затвором, взял у Сидора патрончик, вставил его через щёлку справа, легко подал вперёд и вниз никелированный шарик затвора, взял навскидку.

– Бросай!

Лёка размахнулся и со всей силы подбросил вверх лохматую ушанку, похожую теперь на чёрного косача, расправившего крылья. Мишка специально выждал, когда шапка пойдёт вниз, и нажал курок. Словно сучок сломанной ветки в

морозный день хрустнул. Мишка уловил едва заметный запах пороховой копоти. Сидор подбежал к шапке, поднял её, осмотрел и передал Лёке:

– Промазал...

– Мазила! – язвительно произнёс Лёка. – Стрелять сперва научись... А ещё в мою тятёрку хотел...

– Сам-то кто? Сколько раз по сидячим косачам мазанул?

– Кто, я?

– Ну не я ведь.

– Дак до них, кажись, метров сто было, – оправдывался Лёка.

– Ка-ки-е сто?! Пятьдесят шагов разве... Спорим!

– Спорим! Только на... – Лёка замялся. – Спорим, что попаду... в твою шапку с первого разу.

– Нашёл дурака!

– А шапка будет у тебя на голове, – неожиданно добавил Лёка.

– Как Вильгельм Телль – в яблоко на голове своего сына? – хихикнул книгочей Сидор.

– Не знаю, какой там Хель стрелял... А я – попаду! Ну, давай-давай – на спор! – распаляясь, шлёпал губами Лёка. – На что хошь?

– Промахнёшься – тозовку отдашь?! – вдруг сказал Мишка, ещё не веря своей дерзости. – Насовсем!

– Я разбиваю, – подбежал Сидор.

«Зачем это я согласился? Всё равно ведь не отдаст тозовку, даже если и промахнётся, это ж – Кубека!»

О том, что пуля может угодить в него самого, Мишке сначала и в голову не пришло. К тому же он всё ещё надеялся, что Лёка не станет, сам побоится стрелять.

Лёка шумно вдохнул в себя, схаркнул, взял у Мишки мелкашку.

– Только твоими патрончиками, Сидор.

– С одного разу, – уточнил Сидор. Потом засомневался, – а может, не надо?.. Ещё в Миху угодишь...

– Да он ведь всё одно сдрейфит, – подначивал Лёка.

– Кто сдрейфит?

– Ты, конечно... Или забыл?

«Гад, припомнил. Теперь всю жизнь изгаляться будут», – досада и горькая обида за себя глодали Мишку. И тут вырвалось:

– Да ты и сам, поди, не выстрелишь... Мазила...

Лучше бы не говорить этого Мишке, а задиристому Лёке не слышать, глядишь – и обошлось, авось.

– Сидор, ну давай свои патрончики, – настаивал Лёка. – Посмотрим, кто не выстрелит.

Сидор нерешительно разжал руку. На красноватой от холода руке Сидора покоились свинцово-пунцовые смертинки. Маленькие такие, сантиметра по два с половиной в длину. Стрелянными их можно было хорошо присасывать на язык.

– Так, значит, с первого разу? – уточнил Сидор. – А со скольки метров?

– Меряй двадцать пять шагов, – подумав, сказал Лёка.

– А может, метров с трёх да с подбегом? – съязвил Сидор. Он стоял в нерешительности и смотрел то на Лёку, то на Мишку.

– Чёрт с ним, – произнёс Мишка, – отмеряй двадцать пять шагов.

Сидор побрёл по снежной целине, отсчитывая шаги. Каждый про себя считали шаги Сидора и Мишка с Лёкой. Улёгшееся на горизонте солнце с любопытством наблюдало за происходящим, высвечивая спину Сидору. Сидор остановился, повернулся к Лёке с Мишкой.

– Двадцать пять! Хватит?

– Хватит, – ответил губошлёп. – Иди к Сидору. – Кивнул он Мишке.

«Кубека-немека», – пробурчал Мишка и побрёл Сидоровой тропинкой. Дошёл до него, остановился.

– Миха, не дурачься, не давай по себе стрелять, – тихонько посочувствовал Сидор. – Давай дёру дадим! Лесочек – вон рядом...

– Я вам удеру! – пригрозил Лёка. – Чё, сдрейфили? – Захохотал...

«Неужели и вправду будет стрелять по шапке? А что как понизит? С него станется... Или всё ж испытывает он меня? Ну постращал, попугал – и будет», – вертелось в голове Мишки.

Мишка потоптался на месте, повернулся лицом к Лёке, приподнял на своей голове повыше шапку. Шапка едва держалась лохматыми висльми ушами. Сидор отошёл от Мишки в сторонку, шагов на десять. Его взгляд лихорадочно близоруко бегал от одного к другому. Впервые любопытство и озорство сменились у него искорками испуга. Даже страха.

Морозное солнце огромной раскалённой сковородой коснулось деревьев. Мишка глянул прямо на него. Солнце ослепило. Мишка зажмурился, а когда открыл веки – сначала было совсем темно, потом в глазах забегали мурашки. Он уже не воспринимал Лёку целиком, проявлялись лишь фрагменты: то мочка его уха с отвисшей бородавкой, то толстые губы, то нерешительно-дрожащие руки, то тёмный зрачок тозовки...

– Стреляй же! – осипше выдавил Мишка.

У него всё ещё теплилась надежда, что этого не случится, что Лёка не выстрелит, что можно стряхнуть всё это, как кошмарный сон, и проснуться с чувством свалившегося с тебя давящего кома.

Лёка клацнул затвором, зарядил патрончик, вскинул тозовку. Его правая щека прижалась к облупившемуся прикладу мелкашки. Зажмурил левый глаз, веко которого стало тут же дёргаться. Правый глаз через прорезь планки прицела искал мушку и, совместив их, стал выцеливать шапку на голове Мишки, как совсем недавно чёрного косача на самой верхушке берёзы. Руки Лёки от волнения предательски дрожали, и мушка плясала, перескакивая с шапки на освещённое красками солнца лицо Мишки Штырбу. Мёрзлый курок пощипывал подушечку вспотевшего указательного пальца Лёки.

– Сейчас, дай дыхание перевести, – произнёс Лёка, отводя ствол от Мишки.

Он опустился на правое колено, на левое поставил локоть с винтовкой и опять стал выцеливать шапку. И опять что-то внутри помешало Лёке нажать спусковой крючок. Он отлепил мелкашку от щеки, глянул на планку прицела. Стояло сто метров. «Ещё понизит», – подумал Лёка. Указательным и большим пальцами одной руки он слегка нажал на щёчки планки и передвинул на отметку «25».

«Упасть, что ли? – думал Мишка, пока Лёка возился с прицелом, – зарыться с головою в снег, как те косачи под берёзой. Чёрт с ними, с Кубеками, пускай обзывают трусом... Ну чё он копается?»

Щелчка тозовки Мишка Штырбу не услышал. Просто кто-то незримый мягко шлёпнул по его шапке спереди, а в самое темечко будто шоршень жогнул...

Мишка театрально упал на снег, раскинув руки. С головы его свалилась шапка. Он заметил, как наутёк кинулся Сидор, а к нему уже бежал Лёка, держа в руке винтовку дулом вниз. А ещё до него донёсся истошный, испуганный вопль Лёки:

– Стой! Сидор, стой! Назад! Обоих порешу! В снегу зарою!

С перекошенным от страха лицом Лёка подбежал к Мишке, упал подле него на колени в снег, бросил винтовку в сторону, стал тормошить его:

– Живой?! Живой?! – шлёпал губами.

Лицо Лёки было невиданно бледным. Даже бородавка-серьга отливала теперь не рубином, а мерцала тускло-матовой сизоватой ледышкой.

– Да живой, живой я, – пытался улыбнуться Мишка. – По-па-а-ал... Тозовка у тебя останется...

Он снял варежку, дотронулся правой рукой до темечка, где пощипывало слегка. Почувствовал под рукой в волосах что-то мягкое, склизкое. Поднёс к глазам руку – липкие пальцы были в крови.

– Чё это? – спросил он Лёку.

– Кажись, задел малость, – испугался тот. – Ну-кось, покажь...

Он осмотрел голову Мишки, потрогал пальцами ранку, прошлёпал губами:

– Ерунда! Царапина, всего лишь...

– Больно?! – поинтересовался у Мишки подошедший Сидор.

– Не шибко.

– Надо снег приложить, – посоветовал он, – кровь остановить.

– Только дома помалкивайте! – в приказном тоне заговорил Лёка.

– А что сказать, если увидят? – выдавил Мишка. Он уже поднялся со снега и искал глазами свою шапку.

– Скажем, что сучком поцарапал, – выдумывал на ходу Лёка. – Гнались за косачами, у тебя слетела шапка, ты запнулся и поцарапался сучком...

– Думаешь, поверят? – засомневался Мишка. – Ты плохо знаешь нашего папку.

Лёка первым поднял шапку Мишки. Осмотрел её. Две дырки, спереди и сзади. Спереди было почти не заметно, прикрыто лохматой черной шерстью – в аккурат над самым козырьком, что был оттопырен, как у фуражки. Если пришить козырёк на место – дырку никто и не заметит. А вот сзади... Сзади дырка была – что надо!

Вырвало клок овчины вместе с ватой от подкладки. Лёка вертел в руках шапку и пытался замаскировать обе дырки клочьями шерсти.

– Попал ведь? Попал?! А вы – сомневались, мазилой обзывали... Я ж говорю – патрончики мои были дрянь... – нервное напряжение Лёки перешло в издевательский смех.

– Попал-попал! Герой! Ламинов теперь тебя значком наградит! «Ворошиловский стрелок»! А кабы чуть ниже? – наседал осмелевший Сидор. – Да Мишкин батяня, Тодорыч, тогда тебя самолично бы придушил. И Ламинова дожидаться бы не пришлось...

– Кабы да бы – да не растут во рту грибы, – зубоскалил Лёка. – Ладно, Миха, шапку твою мы у нас дома зашьём, никто и не узнает... Только, чур – помалкивайте!

– А с головой как? – спросил Сидор.

– А чё – с головой? Не шибко и видать. Глянька, уже и кровь перестала... Договорились ведь: на сучок напоролся, поцарапал... А ты-то трухнул, небось, – осмелел Лёка.

– Сам бы постоял – посмотрел бы на тебя... – отозвался Мишка в сердцах и добавил едва слышно: – Кубеки и есть, беляки недобитые...

– Кто беляки недобитые? – взъерепенился Лёка.

– Кто-кто – дед Пихто да твой дедка Вацлав!

– А твой-то дед кем был? Сказывали: у Деникина да у румынов служил... Чё – съел? Обзываесся ещё, молдаван...

Домой шли в сумерках, молча, понуро. Каждый размышлял: как скрыть от взрослых произошедшее, как отговориться в случае чего...

И всё же героем шагал не Лёка – Мишка: не струсил, не убежал, не захныкал – а мог бы... Тогда-то уж Лёка точно стрелять не стал бы... Всё же выдержал! Не струсил! Не сдался!

Не то что тогда, два года назад... Эх, вернуть бы теперь всё вспять – ни за что тот позор на себя не принял...

3

Кубецкие, как и полдюжины других многодетных семей, новосёлами появились в Краснояре лет пять назад, в середине пятидесятых, когда Мишка Штырбу ещё и в школу-то не ходил. А в школу ему ой как хотелось! Школа-то стояла напротив их дома, через дорогу.

В семье Кубецких было пятеро ребятишек: две девки и трое пацанов-погодков: Лех, Янек и Фока. Старшего, Леха, Лешеком только домашние звали да в школе – учительница. Для деревенских за ним прочно закрепилась кличка Лёка. Янека-среднего – Еней удобнее называть. Младший – Фока, он и есть Фока. Да ещё у деда Вацлава с тёткой Анисьей были дети, довоенные – от разных браков. Те уже и жили давно своими семьями. Все трое пацанов Кубецких были белоголовыми, губастыми и не в меру драчливыми. Передерутся друг с дружкой из-за пустяка какого-нибудь. Но уж попробуй кто из деревенских задеть братанов – коршунами набросятся все втроём на обидчика. Отметелят – мало не покажется. Случалось, и не раз, втроём против всей улицы дрались-воевали. Видать, в старшего братку Стаха уродились или в самого деда Вацлава.

Братка Стах своей семьей живёт напротив. Только пацанва его – все рыжие. Братка Стах и повоевать успел, израненный вернулся с Отечественной. И наград немало. Да только награды те ребятня порастаскала. Из тяжёлых кругляшей медалей блёсен понаковали. До ордена Славы, правда, не добрались. Берёг его дядька Стах, на гулянки прицеплял к замызганному пиджачишке. Израненный-то израненный, да только строгать ребятню – дело нехитрое, много здоровья не надо. Что ни год – то рыжик очередной появлялся. До десятка счёт уж довёл, угомонился, похоже. Беднота беднотой! Хорошо, охотой-рыбалкой пробавляются все. Пацанва дядьки Стаха ружьё в руки брала раньше, чем выговаривать все буквы начинала. Стол в избёнке Стаха, как на культстане, длинный, с лавками по бокам. Сковорода – в полстола, кастрюли – ведёрные. Метут рыжики всё подряд – у Мишки слюнки текут, глядя на них. Домой прибежит Мишка: «Баба, наври клёцков!» – «У кого видел?» – «У дядьки Стаха...» Понаварит бабушка Тася клёцков, не на воде, как у Стаха, на молоке, черпанёт Мишка три-четыре ложки – наелся... «Халтубрики – на сале, балабонцы – на воде», – посмеивался отец Мишки, Роман Тодорович.

Дядька Стах смирён пока тверёзый, слова худого не скажет, курицы не обидит, не то что собаку или кошку. Но уж коль примет стакан-другой бражки или самогонки на гулянке у кого – без драки не обойтись. С кем драться, по какому случаю – неважно. Тогда и жене, тётке Мане, достаётся... За ножик, вилки, топор хватается, пряслину выдернет – берегись, кто под руку под-

вернётся... Пока старшие рыжики-сыновья не угомонят его. Привяжут полотенцами к кровати железной. Поорёт, поматерится Стах – да и заснёт сном праведника.

Говорят, и дедка Вацлав по молодости шибко шебутным был. В крови, однако, у Кубецких дух бунтарей-шляхтичей. И не в одном поколении...

Старшенькие рыжики дядьки Стаха с белыми дядьями не водились, в драки на их стороне не ввязывались, а с младших племянников – какой толк, какая помощь?

Седоголового деда Вацлава в молоканку определили – учётчиком-приёмщиком молока и масла, которое тут же и сбивали в большой деревянной бочке-маслобойке. Попыхивает дед Вацлав самокруткой из газеты с едким табачным самосадом, вставленной в деревянный мундштук.

Тётка Анисья в школе уборщицей-истопником устроилась. Там и ребятня её пропадает после уроков, помогают матери убираться.

...Сидит Мишка дома за столом, задания выполняет. В школу ему через год только идти. И он завидует Лешеку с Янеком Кубецким – те уже бегают в школу со своими тряпичными сумками. А у Мишки-то уже и портфель есть, и фуражка с ремнём – самые настоящие, школьные! Никак не может дождаться Мишка, когда ему вместе с младшим Кубецким Фокой в первый класс пора подоспеет. Папка Мишкин недавно из Томска вернулся, учился там на шофёра. Привёз Мишке новенькую фуражку дымчатую, школьную, с лакированным козырьком и кокардою-веточкой, а ещё ремень – широкий, чёрный, глянцевый и с блестящей жёлтой бляхой. А на бляхе тоже навроде дубовой веточки, как на кокарде, только побольше. Фуражка Мишке великовата пока, мама подложила под подкладку ободок из свернутой газеты, впору получилось! На стенку на гвоздик повесила.

В школу Мишке ой как охота! Покрасоваться перед другими своей новой фуражкой, ремнём и портфелем. Ни у кого из деревенских ещё нет таких! А ещё Мишке хочется поскорее научиться читать. Две книжки у него есть. Одна – толстая-претолстая! И вся в точечках от иголок. Баба Тася говорит, что эту книжку баянист Максим Панфилыч пальцами читает – слепым с фронта вернулся. Мишка тоже пробовал читать своими пальцами – не получается. Эта книжка Мишке неинтересна. В ней нет печатных картинок. Есть только рисованные – глухой болгарин Жоржик, что приходит к ним по вечерам в гости, рисует в ней цветными карандашами. Это когда в карты с отцом Мишки да с Яковом Фастовичем не играют. Жоржик добрый, только глухой. Он Мишке сделал игрушку деревянную: человечка на турнике. Нажимаешь руками за нижние планочки, и человечек начинает кувыркаться.

Другая книжка – красивая-прекрасивая! Баба Тася говорит – баская. Страницы в ней толстые, картонные. И на каждой странице картинки цветные. А под ними по четыре строчки-линейки, стихи называются. Мишка уже много стихов выучил. Но ему хочется поскорее научиться читать самому. Поэтому и в школу он бегает на переменке после первого урока, к учительнице Анастасии Фоминичне. Приходит каждый день прямо в учительскую. Там ему учительница красными чернилами оценку поставит за выполненное задание и новое напишет в начале каждой строчки. Торопится Мишка домой обратно, задание выполнять надо...

Сидит Мишка, пишет перьевой ручкой, а сам в окошко на школу поглядывает. Школа – самый большой дом в их деревне. Выше молоканки. Больше конторы колхозной и даже больше старого клуба, который развалили, оставив одни стены и половину крыши. Там у них, деревенских пацанов, военный штаб и боеприпасы, когда воевать с Кубеками приходится.

И не простой вовсе дом школа, а **школа**! С коридором, двумя классными комнатами, учительской и подсобкой. В учительской живёт другая учительница – Нина Степановна со своей дочкой Зосей, ровесницей Мишки. Там у них и кровать стоит, отгороженная шкафом. А в самом Большом классе кино показывают, когда привозят кинопередвижку. Полным-полно народу набивается. Тогда все парты в маленький класс переносят, а в кино приходят со своими стульями и табуретками.

В школьном палисаднике растут три берёзы, как раз под окошками учительской. Мишкина мама говорила, что это они сажали их, школьники, до войны ещё. А теперь – вон какие красавицы повымахали! Развесистые. Что зимой, что летом – всегда на них полно пташек всяких. А весной в скворечниках скворчики селятся, выпроваживая зимних постояльцев воробьёв. Даже весь ихний мусор: соломку, перья, пух – всё выбрасывают и своё натаскивают.

Ограда школьная – из штакетника. Большая. Весной и осенью школьники там физкультурой занимаются, а летом – вся пацанва: то в ножичек, то в клёк, то в чижик или лапту играют.

Прошлой осенью фотограф из Пудина приезжал, фотографировал всех школьников с учительницами в школьной ограде. Мишка и себя потом на фотке тоже отыскал. Маленького, едва заметного, на высоком крыльце школы с перилами.

Над крылечком навес двухскатный, а сбоку – лестница. Большая, широкая. Летом на той лестнице хорошо кувыркаться, как на турнике, между её ступеньками-перекладинами. Можно висеть, держась руками, а можно и головой вниз. И прыгать тоже хорошо. С четвёртой ступеньки, выше – уже страшно! А если пересилить себя, можно и на самый верх забраться, на крышу крыльца. А с неё уже – запросто попасть и на широкий чердак под потемневшим тёсом, запертый тесовой же дверцей. А там...

А там стоит маленькая школа – точная копия большой: со всеми окошками, крылечком и съёмной крышей, под которой видны и коридор, и все классы, даже учительская с подсобкою. Вот красота! Рассказывали ребятишки, что эту школу сами четвероклассники сделали, ещё когда и Мишки-то на свете не было. Вот бы такую и Мишке когда-нибудь сделать самому! Когда вырастет, конечно. Только сперва подрасти надо и выучиться...

Вот Мишка и учится. Пока, правда, только палочки писать да какие-то загогулины. Он макает в чернильницу перо-звёздочку и, наклонив голову набок, высунув кончик языка, старательно пишет. Палочки у него получаются неровными и разной толщины, то же и с длиной, как на плетне со стороны огорода бабки Кузынихи. А загогулины – так и вовсе: то длинные и узкие, то короткие и широкие, навроде висящих во дворе налыгачей для коров. После каждой написанной строчки Мишка говорит бабе Тасе:

– Баб, посмотри – походит? Красиво получается, правильно?

Высокая, стройная с чёрными вьющимися волосами ещё не старая бабушка Тася суетится в кути, откуда доносится запах пекущегося домашнего хлеба. Себе баба Тася печёт круглые буханки из серой пшеничной муки. Ещё совсем недавно целая гора пшеницы сушилась на тёплых кирпичах русской печи за цветастою занавеской. Мишка любил забираться туда с младшим братом Костей и играть с нею: набирать в горсти тёплые скользкие зёрна и сыпать их из пригоршней золотыми струйками. Или сыпать на голову Кости, или бросаться пшеницей друг в дружку. Тогда баба Тася начинала сердиться на них, а то и вовсе – выпроваживала обоих с печи. Потом то зерно смололи на мельнице.

Из магазинной белой муки баба Тася печёт пышные калачи учительнице Анастасии Фоминичне. Белую муку продают только учителям да фельдшерице Рите. Остальным деревенским – не положено. Из чужой белой квашни она обязательно выкроит хоть махонький комочек теста и спечёт из него пухлую румяную лепёшку, продолговатую и похожую на жёлтый брусочек из деревянного детского конструктора. Обязательно перепадёт Мишке с Костей недеревенского лакомства. Вынет деревянной лопатой из пылкого зева печи, обжигая свои руки, разломит пополам – нате, ешьте. А ещё насыплет каждому из горстки прямо на клеёнку стола по белой пирамидке сахару. Выше всякого блаженства тогда – слизывать помаленьку языком сахар и есть парящую, похрустывающую лепёшку! А Костя опять половинку своего сахара в железную кружку ссыпит, добавит немного воды и долго будет размешивать сахар, веря в то, что получится мёд.

– Вроде красиво, – отвечает бабушка, заглядывая в Мишкину писанину. – Мне глянется. Дак, я же, сынок, неграмотная.

Мишку она частенько называет сынком и любит его больше, чем Костю.

– Чё же тогда мне опять Анастасия тройку поставила? – жалуется он ей. – Стараюсь, стараюсь, а получаю одни трояки...

– А ты не торопись, – советует бабушка, – торопыга... Я ещё и хлеб вытащить не успела, а ты уже все вроки вывчил. Када и успеваешь токо...

– Баба, так тут ведь совсем немного. Почитаем потом баскую книжку, – просит он. – Ну, где про это: «Мычит корова: му-му-му, что она хочет, не пойму...»

– Вот управлюсь с хлебом – полистаем, – отговаривается бабушка.

– Тогда спой песню.

– Каку ещё?

– Ну, эту... «Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь»...

– Ты врок-то сделал?

– Сейчас, последняя строчка осталась, – говорит Мишка, – я мигом!

В избу входит мать Мишки Елизавета, внося с морозца стойкий запах фермы: застоявшихся коров, парного молока, кисловатого силоса и коровьего навоза. Она снимает валенки, фуфайку, платок вешает на вешалку и румяная проходит к столу, к Мишке.

– Ну, как дела, ученик?

– Опять тройку поставила, – вздыхая, жалуется он.

– А ты старайся, – как и бабушка, говорит мать.

– Ага, старайся... Папка опять будет ругаться, что балбесом вырасту, неучем – быкам хвосты крутить только и сумею...

– А Костя ещё не встал? – спрашивает Елизавета. – Мам, я пойду прилягу маленько. Упласталася на ферме. Опять силос одними мёрзлыми комками привезли, кое-как разодрала. Все руки ноют...

4

Мишка дописывает свои загогулины, промакивает промакашкой лиловые чернила, размазав толстые жирные линии.

– Опять всё испортил, – огорчается он, – опять тройку получу.

Он смотрит в окошко молоканки, что напротив, через огородчик. Как всегда, там мелькает белая голова деда Вацлава.

– Баб, – говорит он, – а чё это дед Вацлав голову сметаной намазыват?

– Кто это тебе сказал такое? – отвечает она вопросом на вопрос.

– А почему она тада у него белая?

– Вот вырастешь...

– Как папка, – перебивает её внук.

– Как папка, ещё и старше. И у тебя голова побелеет.

– Сама, что ли?

– Сама, сама.

– А почему это деда все Вацлавом Густановичем зовут? И не выговорить сразу...

– Поляк он, потому и имя такое у него.

– А поляки, они кто?

– Тоже люди. Навроде нас. Только другой нации. У тебя папка – кто? – спрашивает бабушка, ловко орудуя деревянной лопатой, и сама же отвечает: – Молдаван! А у дружка твоего Серёжки – болгар. И Жоржик тоже болгар. А Яшкин отец – еврей.

– Как Нольдик Останинский?

– Как Нольдик, – соглашается она. – Ирма Павловна Мельзупс – латышка. А мы, Ивановы, – русские.

– А мы разве Ивановы?

– Ивановы – это я и твоя мать. А ты, выходит, – молдаван, как твой отец. И фамилия у тебя молдаванская. А у деда Вацлава – польская, стал быть...

– Баб, а как это в таком маленьком нашем Краснояре разные нации оказались? – донимает бабушку Мишка.

– Ссыльные мы все, из разных краёв.

– А за что же вас ссылали?

– Разные причины были, – вздыхает она. – Осподи... Жили, должно, лучше других, потому и выслали... А которые – так против советской власти шли...

– Баб, а чё, разве плохо хорошо жить-то? Анастасии вон ты из белой муки хлеб пекёшь, а нам – из серой... Я бы каждый день лепёшки одни ел. Баб, ну спеклась моя лепёшка?

– Потерпи ещё маленько.

– А почему деда Вацлава беляком называют? Потому что голова белая?

– Далась тебе эта голова... Малой ещё всё знать.

– Нет, ты скажи, – канючит он.

– Служил, сказывают, молодым у белополяков. Он же – поляк. Из панов... Вот и сослали его за то в Сибирь.

– И папку нашего тоже выслали за то, что он у беляков служил?

– Чё мелешь-то? Папка твой када родился-то? И ерманска, и гражданска давно кончились уже... Вот дедушка твой, отец его, стал быть, Тодор военным служил. А бабушка Ляна – учительницей...

– Наша баба Ляна учительницей? – изумляется Мишка, – как Анастасия Фоминична, что ли? А чё же тогда она белый хлеб не ест?

– Дак теперя-то она кто? Сосланная. И не работат нигде. Кто же ей белу муку выделит? Это она раньше вчилкой работала, грамотная была. Это я неграмотна, а Лянуца вчилкой была, – повторилась бабушка Тася.

– Ну и чё, они богатые были, что ли? За это их сослали?

– Твой дед Тодор сперва против немцев воевал...

– Против фашистов?

– Каких фашистов? Ещё в перву ерманскую было.

– До революции?

– Так Лянуца сказывала. Потом, стал быть, гражданска война. Он и у красных был командиром...

– Командиром?! – восхищённо перебивает Мишка.

– А как же! Он же ахвицер, царский ещё. А потом у белых, вроде как у Деникина, недолго. А уж потом, када домой к себе, в Бессарабию, вернулся – там румыны уже были... Он и у румынов служил.

– Против русских, что ли, воевал?

– Типун тебе на язык! – сердится бабушка Тася. – Ой, малой ты ещё, внучок, подрасти сперва. Ничё-то ты не поймёшь пока... Да ты ба лучше у другой баушки сам всё и расспросил, раз тебе так интересно.

– Вот поедем с папкой в гости, в Кулики, на машине – тада обязательно спрошу бабушку Ляну.

– Вот-вот, она тебе и расскажет тада, почему их выслали сюда с твоим папкой да дядей Колей, а отца ихнего – отдельно...

– А где сейчас дедушка Тодор?

– Осподи, привязался, как репей. Где-где? Нешто я знаю? И баушка Ляна-то не знат... Косточки давно исгнили его, и могилки, поди, не сыскать...

– Баб, а ты же русская?

– Русская, – не улавливая подвоха, отвечает баба Тася.

– Тада почто тебя сослали сюда?

– Я ж тебе уже говорила, раскулачили нас.

– А ты ещё говорила, что дед Андрей у красных служил.

– И што такого? Ну, служил. После-то вернулся, сватался за меня, а мамынька никак за его меня не хотела отдавать. А я убежала с им в другу деревню. Там и обженилися. Хорошо мы с им жили, ладно, не ругалися, как твои мамка с папкой. Коров, лошадей, скотину всяку держали. Пшеницу, овёс сеяли. Маслобойка своя была. На себя робили, потому и жили... Работников в сезон нанимали – када сеять там, жать, молотить надо было... А потом, это – колхозы пошли. В колхозы загонять стали всех. Андрей-то мой не хотел сперва в колхоз. Туда же одна голытьба деревенская шла, лодыри да пьяницы голимые. А у нас же всё своё было. Работали сами пуще батраков... Вот всё и отобрали, а самих нас – сюда сослали, на голу кочку. В трицатом годе, в самую зиму, самые холода. Глызы лошадиные на дороге от холодов стреляли, подпрыгивали. Нас сослали-то не одних, два брата Андрея мово сродных – девери, стал быть, с семьями, да ещё наши деревенские, семей пять, кабыть, да незнакомых скоко... из-за болота все. Вдоль Чузика-речки, в самой тайге селились. Ну, где конюшня теперя. Тада там гора была красивая. А мы с Малокрасноярского райвона – потому и деревню назвали Краснояром. В бараках попервости жили в холодных. Попростывали все, голодные. Ребятишек перемёрло в ту зиму...

Притих Мишка, слушает бабушку – поинтересней, чем по радио постановку какую.

– Ты же видал, у прясла, возле бани хмель растёт? – продолжает бабушка.

– Возле городьбы Кузынихи? – уточняет Мишка.

– Ну да... Там и моих два сыночка похоронены...

– А пошто не на могилках?

– Дак там, где теперя могилки – тада тайга непроходимая была. Всё же вручную раскорчёвывали, всё на себе. Полей-то, пашен не было никаких. А жить как без хлебушка? Тебе вот серый наш не глянется. А я как вспомню, как голодовали... Думаю, вот вить, раньше-то корочки несъеденные в ведро помойное бросали, скотине кормили, а тута – вытащила ту корочку из ведра да и съела ба... А уж в сорок первом-то годе, перед войной, стали всяких молдаван, болгар, поляков, белорусов высылать, с Украины, Прибалтики... Там уже люди все грамотные были, не то что мы... Хоть и не на голу кочку, как нас, привезли, а тоже не шибко сладко имя пришлося. Баба Ляна-то твоя с ребятишками перву зиму у нас в байне жила. И голодали тоже. Не так, правда, как мы-то в саму перву зиму, дак и им досталося. Конь у нас был в колхозе, Силач. Пропал. В пропащу яму его сбросили... Чё ты думашь – отец твой с дядькой ели ево, доставали с ямы, варили пропастину и ели... Весной все огороды у нас поперерыли – картошку мёрзлую выкапывали, драники пекли... А тебе хлебушек пшеничный не глянется. Избав боже тако вам пережить... Теперь чё, теперь жить можно. Войны ба токо не было... На-ка лепёшку, макай в сметану. Да Отику – другую... Пусть поспит пока. Сёдня кажному по лепёшке вышло.

Она подала Мишке горячую румяную лепёшку, пахнущую так, что у него непроизвольно потекли слюнки.

5

Второклассник Мишка Штырбу сидит в классе и решает контрольную по арифметике за вторую четверть.

Скоро Новый год, ёлка и зимние каникулы! На ёлку они постановку разыгрывать будут. В масках и костюмах. И подарки получат с конфетами и пряниками. Говорили даже, что и по яблоку в них положат. Кульки-то из старых газет они на трудах уже загодя склеили, лежат-дожидаются подарков в шкафу учительницы. От всего этого радостно у Мишки на душе. А на каникулах можно будет и жуланов половить возле амбаров, на санках покататься с Шаманской горы, на лыжах с новыми бамбуковыми палочками, что подарил ему геолог, стоявший у них на квартире. Ни у кого из деревенских ещё нет таких палочек! Или нор наделать в сугробах, ползать по ним, попрыгать с крыш в глубоченный снег. В прятки поиграть. Да мало ли чем заняться можно на каникулах...

Шесть примеров Мишка решил сходу. Никак не решалась задачка.

– Катька, проверь у меня примеры, – шёпотом просит он четвероклассницу, соседку по парте.

Очкарик Катька привычным движением поправила свои очки, заглянула через левое плечо в тетрадку Мишки.

– Правильно, – шепчет она. – Чего сидишь?

– Задачка не решается.

– Штырбу! – доносится строгий оклик учительницы Анастасии Фоминичны. – Сам думай! Ещё раз услышу – снижу оценку!

Мишка снова уставился на чёрную доску, где красивыми белыми буквами учительницы была написана задача. В своей тетрадке он коряво вывел слово Задача. И опять споткнулся. «Как же её решать-то?»

Лампа, что стояла на их парте, чадила, источая запах керосина, от которого побаливала голова. Такие же лампы были и на других партах, и на столе учительницы. Жёлто-оранжевое пламя с нагоревшего фитиля через тонкое пузатое стекло падало на тетрадку, плясало живыми зайчиками и оставляло резкие тени от руки, ручки, чернильницы, соседки.

Спереди и справа от их первой парты, напротив входной двери, ширилась круглая голландская печь, куда ставили «в угол» провинившихся учеников. Знакомо это место было и Мишке, ох знакомо. А больше всего – братьям Кубецким, особенно Лёке. Холодной зимою там и погреться было не грех, пусть и «в углу», стоя на ногах, – прижаться спиной к тёплым её бокам, пока учительница не видит.

Позади печки, у стены, стоял старый коричневый учительский шкаф. В него складывали тетрадки, классный журнал, учебники, школьные принадлежности для уроков, разные инструменты вроде ножниц, иголок, ниток, ножовки, рубанка, лобзика и ещё много чего интересного. А с сентября туда стали запирать и мешочек с сахаром. Шкаф закрывался на висячий замочек.

Тот сахар доставал дежурный после второго урока на большой перемене и сыпал по ложке каждому школьнику в жестяные кружки. Чай пили в подсобке, греясь от холода. А всю прошлую четверть им ещё и картошку варили – уборщица тётка Анисья Кубецкая. Свою картошку, со школьного огорода. Вку-у-ус-но! Особенно, если приносили в бидончике из колхозной молоканки, что напротив школы, густую белую сметану или жёлтый комочек масла...

Теперь окна их Большого класса начинали голубеть сквозь причудливые морозные узоры. Мишка задержал свой взгляд на окнах, будто хотел отыскать там решение задачки, макнул пёрышко в чернильницу и опять задумался над решением.

– На перемене все выходим в коридор! – вдруг строго произнесла Анастасия Фоминична. – Будет совместная линейка!

До конца урока оставалось ещё минут десять. Анастасия Фоминична – полная вальяжная женщина лет шестидесяти, в строгом чёрном костюме и белой кофточке с рюшечками на груди, сидела на стуле за учительским столом и вела урок истории с четвероклассниками. Её густые серебрящиеся волосы были заплетены в тугие косы и уложены сзади в круги.

Мишке Штырбу всегда нравились уроки четвероклассников, особенно чтения, естествознания и истории. Во время самостоятельной работы второклашек, которую он делал всегда быстро, Мишка сидел и жадно ловил украдкой всё, о чём рассказывала учительница и что отвечали старшие школьники.

В их классе, у Анастасии Фоминичны, было шестнадцать человек. Много! Девять второкла-

шек и семь четвероклассников. Они и сидели в два ряда парт. Ряд у окошек – с мелюзгой, ряд у стены – с четвероклассниками. Непоседливого разговорчивого Мишку отсадили от «невесты» Вали к четвероклаcснице Катьке-очкарику.

Вдоль окон, друг за дружкой, сидели сразу трое Кубецких: Фока, Еня и Лёка. Собрались все вместе в одном классе – во втором. У всех поверх курточек пришиты белые воротнички. Слева на груди у Ени и Фоки алеют звёздочки – опознавательный знак октябрят. Звёздочки, как и у остальных второклашек, были вырезаны из плотного картона и обшиты красным ситцем. Ситцевыми были и галстуки у четвероклассников. Только у Лёки не было ничего ни на груди, ни на шее. Из октябрятского возраста он уже давно вышел, а в пионеры его не принимали – учился хуже некуда.

Лёка, на голову выше Фоки, четвёртый год никак не может одолеть программу за второй класс. Так ему и надо, драчуну губастому! Тупее его был разве что гуцул Колька Гиеш – хлеба-не-ешь – выше молоканки! Так того уже давным-давно выперли из школы... Нет, первую четверть в этом году Лешек всё же проучился в третьем, а со второй опять вернули: не тянули знания Лёки на третий класс.

Средний, Еня, тормознулся во втором из-за болезни. Год пропустил.

Зато Фока был отличником! И читал, и писал – получше даже самого Мишки. Ушастый, стриженый наголо, юркий, как бурундучишка! И скорый на всякую пакость!

Это с Еней можно было и пооткровенничать, поделиться своим секретом. И на рыбалку Мишка уже не раз ходил с ним вместе. Сперва на озёрко, что под горою, сразу за школой, потом – на Круглое или на Чузик, когда вода спадёт. А прошлым летом – так и вовсе аж на Афонькином запоре – краснопёрых полосатых окуней навострились дёргать. Это тебе не гольяны, не пескари с ершами! Поклёвки – закачаешься! Сразу – и на потоп! И выводишь когда, так сопротивляется – о-го-го! Могут и леску порвать или крючок запросто обломить. Серёжка, ровесник Лёки и дружок Мишки, так и вовсе – такого лаптя вывоpотил! Никогда ещё Мишка и не видывал таких здоровяков! А потом они втроём договорились, что никому про это место не проболтаются. И Еня сдержал слово. Сколько Лёка с Фокой не выпытывали – не признался, где таких горбылей наловили. Еня простоват и доверчив. Если не задирать его, конечно. Он и матери своей больше других помогает в школе убираться после уроков.

В заеданиях и драках под стать Лёке Фока. Только похитрее ещё да поехиднее. Вечно какую-нибудь подлянку норовит сделать. Как-то весной возле фермы носились Фока с Мишкою. Фока палкой так ударил по свежей коровьей буро-зелёной лепёшке – всё лицо Мишке дерьмом залепил, да ещё и рубаху со штанами. А сам, гад, скрылся домой через огороды. Ох и набуцкал бы Мишка тогда этому Фоке...

За шишками пошли как-то раз в конце августа, через Чузик переправляться надо было на плотике. Плотик-то, как паром, по натянутому поперёк реки тросику ходил, руками сами его и тянули. Где-то посреди Чузика Фока тросик тот оттянул, как тетиву, и отпустил в сторону Мишки. Мишку с плотика будто волной смыло, едва под плотик течением не затянуло, а Фока – опять дёру, уже на той стороне. Выбрался Мишка, мокрый весь. Фока оправдывается, крутится, к себе не подпускает, как собачонка нашкодившая. Дескать, ненарочно, само так получилось. Ладно. Пока Мишка на свою кедёрку лазил и шишки сбивал, Фока внизу собрать их все успел и опять – ноги в руки. На том же плотике один переплыл, да там и бросил. Пришлось снова в осеннюю воду лезть, за плотиком плыть. Мыша один раз дохлого подсунул Мишке в карман. И в лапту, когда в разных командах оказывались, норовит всё мячиком побольнее жогнуть. Гад, одним словом! Вытаращит лупатые бесстыжие глаза, смеётся, обзывается. Это он, Фока, Мишкину кличку Кнопка в Кнобзю переиначил, обиднее чтобы было...

Фока, как и Мишка, уже сидит и слушает четвероклассников. Видать, успел контрольную выполнить. Уже и ручку свою положил в желобок парты. Даже пёрышко почистил цветастой тряпичной перочисткой с пуговицей посредине. Рот приоткрыл, уши оттопырил локаторами. Коротко стриженая голова как большой гладкий резиновый мячик.

Еня крутится, будто на шило сел. То Фоку шпыняет сзади ручкой, то к Лёке обернётся. Похоже, и у него не всё в порядке с задачкой. А может, и с примерами. Да толку-то?! Фока списать не даст, пусть и не просит Еня: будет знать, как гонять босиком по снегу до самого дома от школы... А Лёка – тот и сам ничего не решит, не смотри, что четвёртый год уже эти примеры с за-

дачками решает. Красного кола с жирной подставкой опять не миновать Лёке за контрольную. Наверно, Лёку скоро со школы насовсем выгонят. Будет он тогда, как говорит Мишкин папка, быкам хвосты крутить...

А четвероклассники уже про восстание декабристов проходят. Жуть – интересно! Рядом с чёрной доской, на гвоздик белёной стенки Анастасия Фоминична повесила картину с двумя реечками – снизу и сверху. А на картине той – много-много народу! И всё военные. На лошадях и пешие. С ружьями и саблями. В красивых разноцветных мундирах. А на фуражках – высокие мохнатые султаны, навроде коричневых махалок рогоза. «Восстание на Сенатской площади» называется.

Про тайные общества рассказывают, про богатых дворян-офицеров, что против царя объединились. А у Мишки-то, оказывается, дедушка Тодор тоже офицером был – бабушка Ляна рассказывала: царским штабс-капитаном и румынским подполковником. Только Мишка его никогда не видел...

Фамилии декабристов называет Анастасия Фоминична: Трубецкой, Пестель, Якушкин, Муравьёв, Рылеев... У Мишки на фамилии с именами память хорошая. А ещё на даты. Он уже многое знает: и когда Куликовская битва была, и когда Россия с Украиной соединились, и когда Ермак Сибирь покорял, и когда Пётр Первый правил. Теперь вот и про декабристов будет знать. Он и Катьке который раз подсказывает, если та забудет. Ужас, как интересно всё! Скорее бы до четвёртого класса дорасти. А тут – задачка какая-то...

– Катька, подскажи, – опять шепчет Мишка соседке украдкой. Боится, что Анастасия снова заметит – какая-то сердитая она сегодня и с четвероклассниками как-то не так себя ведёт, будто всё время думает о чём-то другом. Может, из-за внука, Пашки, который один дома остался.

Катька тихонечко на промокашке пишет решение из двух действий, подсовывает незаметно Мишке. Ура! И как это он сам не догадался? Ведь всё так просто, оказывается!

Мишка быстро переписывает решение задачки, кладёт между тетрадных листков промокашку, закрывает тетрадку как раз, когда раздаётся звонок.

– Всем сдать тетради, – говорит Анастасия Фоминична. – И на линейку, в коридор! – повторяет она.

6

На линейку высыпали разнокалиберным горохом из обоих классов. Учительницы в учительскую подались, прижимая к груди журналы со стопками тетрадей. Гомонливая ребятня стала выстраиваться в две шеренги по коридору – от дверей учительской до дверей подсобки. Толкались, тискали друг дружку, хихикали. Первачки с второклассникам – в первой шеренге, старшие – во второй.

Белоголовые Кубецкие – и тут кучкой, с краю, возле дверей подсобки. Не то что рыжики дядьки Стаха – рассыпались по всей линейке, словно подосиновики в лесочке. Лёка сзади, Еня с Фокой спереди. Стоят, переглядываются, шепчутся о чём-то своём. Какую-нибудь пакость, небось, опять замышляют.

– Зачем линейка-то? – недоумённо переговариваются ребятишки.

– Зачем-зачем? Про успеваемость поди, про каникулы говорить будут, – поясняет кто-то из старших.

– Подарки новогодние раздавать будут...

– Какие подарки? Кульки ещё пустые лежат в шкафу Анастасии, – отговаривается Катька.

– Подарки на ёлке раздадут, – поддерживает её Лиза Гридина.

Вышли обе учительницы. Явно озабоченные, серьёзные. Встали перед строем. Анастасия Фоминична заговорила:

– Ребята, сегодня у нас в школе ЧП.

Зашушукались было, да приумолкли школьники.

– Чё такое чепэ? – поинтересовался шёпотом Мишка у соседа по строю, рослого кучерявого паренька Толькы Кичигина.

Тот лишь плечами пожал – не знаю, мол.

– Сегодня у нас в школе чрезвычайное происшествие, – пояснила учительница. – Кто-то залез в шкаф...

– Кто? Какой шкаф? – загудела ребятня.

– В тот самый шкаф, что стоит в нашем Большом классе. Открыли замок, без ключа... – она выдержала паузу, обводя взором учеников. – В общем, пропали сахар и пилки для лобзика...

– Сахар? Пилки? – заудивлялась линейка.

– Чё, чай теперь пить не будем? – донеслось от первачков.

– Не с чем! – с сарказмом произнесла Анастасия Фоминична. – Скажите спасибо тому, кто взял...

– Давайте будем называть это своим именем, – поддержала коллегу Нина Степановна, – воровством!

– Я сразу обратила внимание ещё утром на то, что открыт замок, – поясняла Анастасия Фоминична. – Подумала сначала, что, может быть, я сама забыла вчера его на ключ закрыть... Утром замок висел на петельках, только дужкой вниз. А после первого урока, на перемене, перед контрольной, пошла за мелками. Заметила, что нет на месте мешочка с сахаром... Кто вчера у нас дежурил?

– Лиза Гридина, – нестройно ответили голоса линейки.

– Я сахар убирала в шкаф, – оправдывалась четвероклассница Лиза Гридина. – Завязала мешочек и положила его на место.

– Я сама видела, как Лиза убирала, – подтвердила Катька-очкарик.

– И я, и я видел! – послышались ещё голоса ребят.

– Стало быть, вчера после чая мешочек положили на место? – констатировала Анастасия Фоминична. – Хорошо... Кроме сахара украли ещё и пилки для лобзика, из коробки. Кому они могли понадобиться? Давайте разберёмся. Начнём с того: у кого дома есть лобзик?

– У Кубецких, – донеслось. – Еня выпиливал шкатулку на труде, а доделывал дома...

– Правильно, – согласилась учительница. – Я ему ещё давала домой две мелких пилочки.

– У Кубецких, у Кубецких... – забухтел Еня. – Чуть что, сразу Кубецкие...

– У Мишки Штырбу вон тоже дома лобзик есть, – подал голос Фока.

– Значит, дома лобзик есть у Кубецких и у Миши Штырбу? У кого ещё? – вела дознание учительница, вроде участкового милиционера Ламинова, когда тот приезжал в Краснояр разбираться по поводу воровства огурцов с грядок.

– У Серёжки Димитрова, Мишкиного дружка, – опять выдал Фока.

– Серёжка же в Пудине учится, в интернате, – заступился Мишка.

– Димитров, значит, отпадает, – согласилась Нина Степановна. – У кого ещё есть?

Зароптала линейка:

– У кого? У кого? Ни у кого больше нету!

Упоминания о лобзике с пилками вызвали у Мишки целый ворох приятного...

...Лобзик! Забава ребячья в зимнюю пору, когда морозяка на улице за сорок градусов – носа на двор не высунешь или заболеешь ненароком. Выпросишь у продавщицы в магазине поломанную желтоватую фанерную крышку от ящика с папиросами, пахнущую табаком и свежей древесиной – сокровище целое!

У Серёжки Димитрова и картинки красивые есть, альбом целый: шкатулки, полочки-подставки, рамки для фотокарточек... Дело за переводкой-копиркой, синей или чёрной. Тогда надо положить копирку сначала на фанеру пачкающей стороной вниз, на неё – переводку-картинку. Кнопками придавить всё это к фанере, чтобы не сдвигалась. И всё! Теперь картинку следует обвести простым карандашом. Красиво получается, загляденье просто! Это когда уже на жёлтой фанере всё отпечатается. Самому Мишке так ни в жизнь не нарисовать! Даже маме. Разве что Жоржик глухой и сумеет...

Потом нужны пилки. Помимо лобзика, конечно. Вот тут-то и вся загвоздка! Уж больно быстро пилки ломаются. Хруп – и пополам, а то и вовсе на три части... Вставишь пилочку в лобзик, зажмёшь снизу винтом. Второй кончик пилки в другой зажим направишь, надавишь ручкой от груди лучок лобзика в край стола, и зажимай другой кончик пилки. Чтобы потуже было, можно ещё и щипцами затянуть. Вот и всё – пили не хочу! И быстро-быстро – по контуру, по линии переводной: вверх-вниз, вверх-вниз – легонько ходит правая рука. Похрустывает-повизгивает под пилкой фанера. Оставляет после себя мелкие опилочки пилка, бугорками запорашивает линию. Сдувать надо опилочки время от времени, чтобы видно было, где пилить надо. А ещё – так приятно пахнет пилёной фанерой, ни с чем не спутать и не сравнить! Лучше всякого одеколона или мамкиных духов! И пилка раскаляется, подставь к ней руку – обожжёт, как головёшка. Только ломаются тогда пилки часто...

Торопыга Мишка не одну пилку изведёт, пока по контуру деталь всю обпилит. Тут крупные пилочки в ход идут. А узоры изнутри – лучше мелкими выпиливать. И каждый узорчик сперва шилом проткнуть надо, потом продеть сквозь дырочку верхний конец пилки, зажать его. И пилить, аккуратно вращая фанерку левой рукой...

Беда с пилочками. Быстро ломаются. Мишка свои уже давно все поизвёл. Вот приедет Серёжка из Пудина на каникулы, может, купит там пилок в раймаге или скобяном магазине, тогда и Мишке с пяток подарит...

– Получается, что пилки к лобзику нужны только Кубецким и Мише? – прерывает Анастасия Фоминична Мишкины грёзы.

– Миха, ты, что ли, пилки украл? – шпыняют Мишку, усмехаясь, соседи по линейке Сидор с Толькой Кичигиным.

– Да вы чё?! – недоумевает Мишка. – Разве непонятно – Кубеки это! Они и полы в школе моют после уроков... Лёка, небось, его работа...

– Миша, – обращается к нему учительница, – выйди сюда!

Недоумённый Мишка выходит на два шага вперёд, шаркая по полу подшитыми чёрными валенками, разворачивается. Ба! Все школьники на него смотрят! Такого ещё никогда с ним не бывало. Нет, смотрели, конечно, когда Мишка на Октябрьскую на сцене постановку разыгрывал с ребятами. По басне Крылова – прогуливался он с «лорнетом» из медной проволоки, слова говорил... Так то – со «сцены», как бы нарочно, а тут – всерьёз. «Неужели они все думают, что это я пилки из шкафа украл? А как бы я замок-то открыл? У меня никогда и ключа-то не бывало, разве что когда Анастасия сама попросит...»

– Миша, ответь всем: ты брал пилки из шкафа?

– Да вы чё? Не брал я никаких пилок!

– Значит, не брал?

– Не брал, – уверенно повторяет он.

Перед глазами Мишки вдруг отчётливо предстала та картина, что висит в их классе на задней стене, где толстопузые кулаки допрашивают пойманного Павлика Морозова. А Павлик стоит перед ними гордо, с пионерским галстуком на груди. И не Павлик Морозов перед кулаками вовсе – Мишка Штырбу!

– Точно не брал? Честное октябрятское?

– Честное октябрятское, – клянётся Мишка.

– Та-а-ак! Интересно, – говорит Анастасия Фоминична. – Ну что ж, раз не брал – становись на место.

Мишка героем возвращается на своё место, его одобрительно похлопывают по плечу и спине Сидор с Толькой.

– Кубецкие, теперь вы выходите сюда, все трое! – приказывает старшая учительница.

Вышла троица, развернулась лицами к линейке. Еня посредине, смотрит прямо, глаза свои в сторону не отводит. Лёка в пол уставился, шлёпает губами, как варениками. Бородавка на ухе рубином наливается. Фока зыркает глазёнками, ухмыляется.

– Та-а-к, – произносит Анастасия Фоминична, – вы вчера в школе убирали?

– Мы каждый день помогаем мамке полы мыть, – отвечает за всех Еня.

– Значит, и вчера вы здесь были после уроков?

– Ну, были...

– Все втроём?

– Сперва втроём, – отвечает Еня, глядя на младшего брата, – опосля мы с Фокой подрались... Он не хотел мыть в Большом классе – его очередь была...

– Дальше что было?

– Он домой побежал, я за ним, чтобы вернуть назад.

– А в учительской кто был?

– Никого не было. Нина Степановна куда-то уходила. Закрыта была учительская.

– Выходит, в школе один Лешек оставался, пока вы дрались и домой бегали?

– Один Лёка, – промямлил Еня.

– Ну, а потом-то вы вернулись?

– Фока вернулся один... Я чё – за него должен был мыть?

– Значит, Фока, ты мыл полы в Большом классе?

– А кто же ещё?

– И замок на месте висел?

– Где ж ему быть? – нагло ответил Фока.

– Тогда что же получается? Сахар с пилками сами из шкафа испарились? – иронизирует Анастасия Фоминична.

Захихикала линейка:

– Ножки выросли у мешочка... Домовой украл... Тараканы съели...

Обдав школьников клубами холода, в коридор ввалилась тётка Анисья – в фуфайке, в повязанном по-старушечьи тёплом платке, белых валенках. Прошлась позади четвероклассников, кивнула учительницам, усмотрела перед строем свою троицу, остановилась возле двери в подсобку. Прислушалась: в чём дело, по какому поводу построение. Её цепкий ум и материнское сердце разом почуяли неладное: сынки набедокурили, больше некому. «Ну, паразиты, доберусь до вас дома! И Вацлаву передам обо всём. Пусть принимает меры. А меры у того крутые – ремень и розги. Правда, сдавать стал Вацлав. И выдрать-то как следует силушки уже нету», – подумала она.

Разбирательство стало приобретать затяжной характер. Школьники перетаптывались с но-

ги на ногу, как застоявшиеся в стойлах лошадёнки. Старшие зароптали:

– Пора заканчивать... Сколько можно на ногах стоять? Всё и так ясно – Кубеки стырили... Больше некому!

Играющим тренером тётка Анисья попросила:

– Настасья Фоминична, дайте-ка мне самой поговорить с робятёшками своимя...

Учительницы переглянулись между собой, посоветовались.

– Та-ак! Всем по классам разойтись, на уроки. И пусть каждый хорошенько подумает ещё надо всем этим... После урока – первоклассники домой пойдут, а остальные – снова на линейку!

– Как на линейку? Опять на линейку? Зачем на линейку? – завозмущались ученики.

– Мы ведь ещё не выяснили, кто же всё-таки открыл шкаф и совершил кражу. Пусть при всех признается...

Рассыпался строй по классам. Братьев тётка Анисья в подсобку увела, дверь за собою закрыла на крючок изнутри. Уж какие она там наставления давала – слышно не было. Только вернулись Кубецкие в класс минут через десять. Все трое поникшие, покрасневшие. Лишь Лёка, проходя мимо Мишки, шлёпнул его по затылку:

– У-у, Кнобзя!

– Они, они это украли, – с уверенностью поделился с Катькой Мишка.

– Кто же ещё? Больше некому! Зачем только опять линейку собирать? – поддержала его соседка. – Ведь ты бы не полез в шкаф?!

– Скажешь тоже... Мне бы папка за эти пилки такое устроил...

И потянулось время урока... Медленно, нудно. Все только и думали: сколько ещё стоять придётся после уроков? Кубеки так быстро не признаются...

Звонок всё же прозвенел. Получив задания на дом, ребятня без портфелей вновь вышла в коридор. И опять – в две шеренги, только без первачков. Как в прерванном кино, когда вдруг на улице заглохнет движок, а потом снова заработает. Взрослые за это время и накуриться вволю успеют. Иногда и не по одной выкурят...

И снова Кубецкие перед строем, а тётка Анисья сбоку, возле дверей подсобки.

– Ну, кто же всё-таки совершил проступок? Надумали? Набрались храбрости признаться?! Сумели провиниться – умейте и ответ держать достойно, – заговорила Анастасия Фоминична.

– Ну я, – глянув на мать и уставившись в пол, пролепетал Фока.

– Повтори громче, чтобы всем было слышно! – приказала учительница.

– Ну я, – снова отозвался Фока, не поднимая глаза.

– Один или кто с тобой ещё был?

– Не один...

– С кем же? С братьями?

– Нет... С Молдаваном...

– С кем, с кем?

– Ну, с Мишкой Штырбу.

– С Мишей Штырбу?! – переглянулись учительницы.

Вот те на! Уж не ослышался ли Мишка?! С ним?! Что за чепуху несёт этот Фока? Да его ведь и в школе-то после уроков не было! Чушь какая-то!

Не менее Мишки были поражены услышанным и все остальные ученики. Вот это да! Ну и Мишка! А ещё заверял всех, что не брал... Вот и верьте ему после всего этого! Вот так примерный ученичок!

7

Война деревенской ребятни с Кубецкими была навроде гражданской – затяжная, без конца и края, с временными перемириями, переменными успехами и перебежчиками.

На правах старшего за командира Кубек-немек бывал всегда губошлёп Лешек. Его заместителем и начальником штаба – простоватый Еня. Всё остальное доставалось пакостнику Фоке.

Деревенским войском-ополчением часто верховодил Серёжка Димитров – народный заступник и мститель. Ровесник Лёки, невысокий крепыш с умными и добрыми глазами – он и командиром-то стал как-то само собою. Никто и не выбирал его, не назначал свыше. Просто он один мог накостылять забияке и обидчику Лёке. К нему, как к старшему брату, тянулась малышня, жалуясь на обидчиков-Кубек.

Вот и Мишка Штырбу частенько за помощью к Серёжке спешил: старшего-то брата у него не было, а папке пожаловаться – за ябедничество сочтут, а это хуже всего. И обида никак покою не давала, пока квиты не становились. Мишка при Серёжке вроде ординарца: что командир прикажет – выполнит. Только Серёжка не помыкал им по поводу и без повода. Мол, не в службу – в дружбу. Ну как тут не услужить?! Не раз грозился

Серёжка обидчику Мишки Лёке бородавку на ухе оборвать или дерьмом свинячьим накормить... Уже только от этих угроз легче становилось Мишке. Он сам, бывало, Серёжкой грозил Кубекам. Только Серёжку одного Лёка и побаивался. Это когда один на один! А втроём-то Кубеки – о-го-го! Сила! Против всей деревни воевать не боятся!

В рукопашную, правда, против всех деревенских ввязываются редко – не в их пользу. Зато уж кого отловят себе по силам – одними словесными перебранками не обойтись! А в рукопашных – Кубеки отчаюги! И дерутся все не по правилам: что в руках окажется, то и в ход пускают. То же и меж собою. Недавно тихоня Еня в драке меж собой Лёке руку шилом проколол. Синяки, ссадины, шишки, словно ёлочные игрушки, украшают и тех и других после непримиримых стычек!

Местом позиционных боёв чаще всего бывали или развалины старого клуба-барака, или овраг, что пересекал улицу, уходящую от школы к мельнице. По одну сторону оврага деревенские, по другую – Кубецкие. И понеслось! Сначала обзывалки-дразнилки в ход идут. И в этом Кубеки – большие мастера, кличек обидных всем понадавали, и мать, и отца, и родню всю припомнят... Потом кирпичи битые полетели. Пуляют через овраг друг в дружку, будто мячиками резиновыми в лапту играют. Тут уж рот не разевай! Смотри – откуда и куда что летит, увёртывайся успевай. Не увернулся вовремя – получай! Раз Мишке так звезданули кирпичом в пах – с ходу загнулся. Упал, катался собачонкой на спине, суча ногами, пока не отошло...

Серёжка тогда в атаку скомандовал. Кинулась деревенская орава через пологий овраг, Кубеки – дёру, только голые пятки засверкали. Отступили до клуба. Оборону заняли на крыше, а там – у деревенских тайник с боеприпасами-кирпичами. Попробуй Кубек выкури оттуда штурмом, кому охота с башкой проломленной ходить?

И опять перестрелка. Тут уж рогатки в дело пошли. А рогатка похлеще кирпича будет: глаза можно запросто лишиться. Пуляли-то чем из рогаток? То-то и оно: чугунками дроблёными! Колотили молотками или кувалдой старые чугунки на мелкие, в копейку-двушку, кусочки с острыми краями. Резина на рогатках прочная, тугая, от велосипедных камер. Посреди резины кожанка. Положишь битую чугуняку в кожанку, оттянешь резину до плеча правой рукой – цельсь тогда получше! Попадёт такая пуля по голому телу ребром – кожу развалит на раз!

Боеприпасы: кирпичи битые с чугуняками заготавливали и та и другая стороны загодя. До драки дело дошло – некогда ими заниматься, тут уж перевес на той стороне, у кого больше запасов. В деревянные или фанерные ящики ссыпали заготовленные боеприпасы. В схронах-тайниках прятали до поры до времени. Там же и прочее оружие: деревянные мечи, шпаги, секиры-бердыши, ружья-автоматы... Вызнать место вражьего тайника и выкрасть арсенал – считай, победу одержать большую! И без кровопролития. Зато уж и отместки не миновать! Может, и поковарнее случиться...

Командиром разведки у деревенских Кузя Попов. Он сам себе и должность эту определил, и звания присваивает: то майора, то лейтенанта. А всё потому, что у Кузи одного есть магазинный железный пистолет, стреляющий бумажными пистонами! Вот только пистоны магазинные быстро заканчиваются, а то и вовсе не стреляют, пшикают. Можно, конечно, пистонов и самим наделать, если склеить из газет или промокашки два кусочка, а между ними поместить толчёную спичечную головку или немножко пороху от тозовочного патрончика. Возни только много.

Кузя себе и погоны на плечи цепляет. Из картона, рисованные – со звёздочками и продольными офицерскими полосками. Кузя годом старше Мишки. Увалень неуклюжий, когда борется – что куль с отрубями. Лицо у Кузи плоское, широкое, желтоватое. Глаза узкие, карие. Волосы черные, жёсткие, прямые. Ни дать ни взять – остяк Пачельгин! Под носом у Кузи вечно красно и мокро. А ещё противные жёлто-зелёные сосульки выглядывают. Карманы его штанов и курток всегда набиты каким-нибудь жареным горохом, бобами, кедровыми орехами или семечками подсолнечными. Кузя хрумкает горохом и частенько громко газует, подняв вверх свой чёрный пистолет и произнося команду: «Огонь, батарея!».

– Роган! – кричит в ответ ребятня и бросается дёргать Кузю за уши.

Помятый козырёк фуражки Кузи всегда сторожит с боков.

– Недер! – иногда успевает произнести в оперёд лейтенант-майор Кузя, и уши его остаются нетронутыми.

С сентября Серёжка Димитров в Пудине учится, в двенадцати километрах от ихнего Краснояра. В пятом классе. Мишка во второй дома пошёл. Там же и Фока с Еней. Лёку в третий перевели наконец-то. Три года во втором отсидел, балбес губастый!

Серёжка появился в конце сентября, на выходные, помочь картошку копать родителям. Перемирие с Кубеками, похоже, закончилось.

За школой, по склону Шаманской горы, невдалеке от озёрка, ещё с лета вырыты землянки. И не какие-нибудь холодные сырые норы – тёплые, крытые старым тёсом и дёрном, с глиняными печурками внутри, лавочками, перегородками. В рост Мишки. Серёжка, правда, уже голову наклоняет слегка. Самая большая землянка разделена тесовой перегородкой: штаб и казарма деревенских вояк.

Из казармы Мишку в штаб позвали. В штабе печка топится, и коптилка мерцает: большая картофелина, а в ней, в углублении, сало топлёное и фитиль самодельный.

В штабе Серёжка, Кузя и Петька Беков. Серёжка папироску «Огонёк» курит – пятьдесят копеек пачка (старыми, дореформенными). У Петьки с Кузей в зубах самокрутки газетные из сухих тёртых листьев и мха. Поверх фуфаек Петьки и Кузи крест-накрест пулемётные ленты – цепи, надраенные до блеска, – трофеи недавней вылазки к заброшенному комбайну. Петька с Кузей кашляют после каждой затяжки. «Крепкие, зараза!» – восхищаются.

– Значит, задача будет такая, – начинает командир Серёжка. – Кубеки разорили наш тайник... Кто-то из наших проболтался, не иначе. Начальник разведки, – обращается он к Кузе, – лейтенант Попов!

– Я, товарищ командир! – бойко отзывается Кузя, вставая навытяжку.

– Тебе задание: выяснить, кто из наших проболтался Кубекам про склады с оружием.

– Слушаюсь, – как в кино, по-военному отвечает лейтенант-майор.

– А теперь самое главное, – Серёжка понижает голос и делает паузу, – до холодов, нет, до октябрьских каникул надо разведать: где у них склады. Вернуть своё. Ещё лучше – захватить ихнее! Всем ясно?

– Понятно, – отзываются подчинённые.

– Петька за меня остается, за начальника штаба.

– Есть! – гордо откликается Петька Беков, поправляя на груди свой деревянный ППШ.

– На каникулах сразимся, если к тому времени вернём оружие! Надо вернуть. И патроны тоже. Разведка, как думаете действовать?

Кузя, загоняя швырканьем в норы свои сосульки, отвечает:

– Боем!

– Нет, боем тут ничего не выйдет... Они могут не выдать тайники. Да и не один он у них наверняка, факт.

– Надо лазутчика им заслать, – подсказывает начальник штаба Петька Беков.

– Вот это уже лучше, – одобряет Серёжка. – А кого направим к ним? Кто согласится?

– Мишку, – предлагает лейтенант-майор и поправляется, – ефрейтора Штырбу!

– Я чё – ефрейтор уже? – отзывается Мишка.

– Присваиваем тебе это звание, – поддерживает Кузю начальник штаба, – так ведь, командир?

– На время выполнения задания, – соглашается командир Серёжка. – Справишься – повысим в звании...

– Не выполнишь – разжалуем, – добавляет Петька.

– А как я к ним попаду-то? – интересуется озадаченный Мишка.

– Ну, как-как... Вроде перебежчика... Наврёшь им, что с Петькой или с Кузей подрались, – разрабатывает легенду лазутчику командир.

– Шпионом, что ли? – спрашивает Мишка. – Не-е-е, я предателем не согласен...

– Не предателем, а разведчиком будешь! Как Валя Котик. Глядел кино? У партизанов разведчиком был...

– Ну, глядел... Недавно привозили...

– Вот! И ты будешь, как он! – уговаривает Серёжка. – С Фокой подружись на время.

– Не, – артачится Мишка, – с Фокой не буду! Он, гад, меня чуть в Чузике не утопил, когда за шишками ходили...

– А если надо? – наступает начальник разведки Кузя.

– Уж лучше я с Еней тогда, – всё ещё не сдаётся Мишка. – Серёга, помнишь, летом с ним и с тобой вместе окуней ловили на Афонь... – осекается Мишка в своих аргументах, вспомнив, что договаривались никому про то место не рассказывать, даже своим.

Зыркнул Серёжка на Мишку строго, дескать, попридержи язык за зубами... А ещё разведчик... Сказал:

– Вот-вот, внедрись к ним. Ладно, через Еню... Поглядим, какой из тебя разведчик... Можешь даже для отводу глаз повоевать за них с нашими.

– Взаправду, что ли? – удивляется Мишка.

– Ну, если надо – можно и взаправду... Курить будешь?

Серёжка выщелкивает из своей пачки тонюсенькую папироску, подносит к Мишке. Мишка закуривает от пламени коптилки, затягивается и начинает кашлять. У него от затяжки сразу в голове кругом поехало. Положил дымящую папироску рядом на глиняную лавочку.

Снаружи какой-то шум послышался. Кто-то пытался влезть в землянку, заслоняя собой свет от лаза.

– Атас! – скомандовал Серёжка.

Лейтенант-майор вытащил из-за пояса свой пистолет. Развернул дулом к выходу ППШ и Петька. В проёме показалась голова... Мишкиной бабушки Таси. Она стояла на четвереньках, подслеповато осматривая штабную комнату землянки.

– Вот вы где, голубчики! Курите?!

– Не, баба, я не курю, – отнекивается Мишка-разведчик.

– А папирёска чья около тебя лежит? Марш домой! Вояки... Опять с Кубецкими драки вчиняете? Када вам токо надоест это? Играли ба вместя с имя в лапту или в клёк свой... Нет, им воевать надо...

Заседание штаба было прервано. Хочешь не хочешь, надо выбираться из землянки. Ещё и за курево получишь взбучки... Хорошо, если отцу не скажет...

– Картошка стоит недокопанная, снегом скоро завалит... а имя, вишь, воевать приспичило... Погодите, навоюетесь ищё, придёт время... Избав, боже...

– Баба, – оговаривается Мишка, – сколько сегодня вёдер накопать мне надо?

– Сколько-сколько? Нешто не знашь? Как и вчерась, двадцать...

– Да выкопаю я... Надоело только... Каждый день: картошка, картошка, картошка... Не поиграешь даже.

– А исть кажен день не надоело? Зима-то длинная, наиграетесь ищё... Штабы вас...

К Кубекам Мишка внедрился, когда белые мухи запорхали вовсю. И как-то уж очень быстро снегу навалило по пояс. С ними и укрепления снежные строил, водой поливали, чтобы крепче были. Катался с ними на санках с гор у конюшни, носился по первому хрупкому льду озёрка. Фока и тут ему подгадил: проломил тонкий лёд палкой возле Мишки. Ухнул Мишка по пояс в холодную воду, горло заболело.

Потом арсенал пополняли: мечи, секиры, ружья деревянные тесали. Сперва топором Лёка, потом уж они – рубанками и ножиками доводили до готовности. Самострел-арбалет даже смастерили, стреляли из него по очереди в цель. Здорово, точно бьёт! Такого у деревенских ещё ни у кого не было. Мишка и кирпичи с чугунками молотком колотил, с Фокою вместе. Даже домашние задания с ними делал по письму и арифметике. Помогал Мишка им и в школе прибираться. Полы, правда, не мыл, а дрова к печкам таскал большими охапками. На что только не пойдёшь ради выполнения порученного задания!

Показали Кубецкие свои тайники Мишке. С оружием и боеприпасами. Хвастались, как это ловко они захватили чужое! Ни за что бы не отыскать их деревенским. В трёх местах аж схронки были устроены.

И как-то подружился даже Мишка с Кубецкими... Приняли они его вроде за своего. Даже Лёка с Фокой. Тётка Анисья – и та удивлялась: «Гляди-кась, робятёшки-то мои ладить стали с деревенскими... Ой, не к добру...»

Задание своё Мишка выполнил в срок, к самым каникулам, к возвращению Серёжки из Пудина. И не Мишка вовсе – младший сержант Штырбу! По его «шифровке», что передал он лейтенант-майору Кузе Попову, захватили деревенские склады Кубек! Всё оружие с боеприпасами повынесли. И своё вернули, и вражеское прихватили!

Только и среди «наших» опять нашёлся предатель. Выдали Мишку Кубекам. Да поздно уже...

Перед всем войском Серёжка объявил Мишке благодарность за задание. Начальник штаба Петька Беков прицепил к фуфайке Мишки круглую медаль из консервной банки, а лейтенант-майор Кузя подрисовал ему на погоны ещё две палочки-полоски поперёк.

Зато Кубецким стал Мишка врагом и предателем номер один.

И не только в играх-забавах...

8

– Значит, с тобою был Штырбу Миша? – всё ещё удивлённо переспросила Фоку Анастасия Фоминична.

– Он, – выдавил из себя Фока.

– А Янек с Лешеком не принимали участия?

– Нет, – несколько увереннее отвечал ученик.

– И когда же это вы успели сделать с Мишей? Вы же утверждали сначала, что были только втроём.

Замолчал, набычился Фока, переминается с ноги на ногу, руки за спину, вроде арестанта. Переглянулись Еня с Лёкой, потом на мать посмотрели.

И всей линейке любопытно: вот так оборот! Зашепталась, зароптала линейка:

– Да врут они всё! Не было с ними Мишки!

– Откуда знаешь?

– Робятёшки, выкладывайте всё, как было, – подала голос тётка Анисья, – как мне давеча сказывали...

Фока замямлил:

– Ну, сперва мы, это... одни были. И мамка в школе была, – он глянул на мать.

Та кивнула, мол, так-так, продолжай дальше.

– Потом она ушла за водой. Мы одни остались мыть полы да дрова таскать. Мамка воды наносила и совсем ушла... Лешек дрова ещё на улице колол... Потом, это... Мишка пришёл... Вот.

«Чё он говорит?! Куда я пришёл?! – закипело внутри Мишки. – Да не было же меня в школе после уроков. Не было! И не могло быть!»

После выполнения того задания, когда Мишка рассекретил арсенал Кубецких, ни разу с ними один на один он не оставался. Нет, в классе, конечно, на уроках встречались. А теперь и вовсе – Лёку из третьего во второй класс вернули. И на горках катались с Кубецкими – это когда и другие ребятишки бывали. И к Новому году постановку репетировать с Фокой приходится. А так, чтобы у них дома или в другом месте где – с одними встречаться – избавь Боже! Братья стращали, угрожали Мишке расправой. Норовили ему при случае пендеря или подзатыльник наладить. Исподтишка то слово обидное скажут, то обзовут, то ещё какую пакость выкинут. Терпел Мишка – куда деваться?! И даже сам себя считал пред ними чуточку виноватым. А он бы простил им такое? То-то и оно!

– Миша, выходи-ка сюда, – снова произнесла Анастасия Фоминична.

Как и на прошлой переменке, вышел Мишка перед строем. Встал рядом с Лёкой. И опять – десятки глаз уставились на него: любопытные, сочувствующие, изумлённые. Как и час назад, он-то был уверен в своей правоте. А чего переживать: не крал он ничего – и всё тут! Конечно, мало приятного, если тебя подозревать станут, пальцами в тебя тыкать... Так ведь, если не виноват – правда должна одолеть...

– Ответь нам, Миша: ты вчера в школе с Кубецкими был? – продолжила учительница.

– Нет, не был, – уверенно ответил Мишка.

– Миша, не лги. Ты ведь нам честное октябрятское слово давал, – сказала Нина Степановна.

– Давал, – ответил он. – И ещё раз могу дать! Не было меня в школе вчера после уроков!

– Значит, не был? Хорошо. Допустим... – в некотором замешательстве произнесла Анастасия Фоминична. – Теперь вы ответьте, Янек с Лешеком: был вчера с вами в школе после уроков Миша Штырбу?

– Был. Приходил, – спешно выпалил Лёка, посмотрев на мать.

– Был, – ответил и Еня, уставившись в пол.

– Янек, ты сказал, что остался дома. Это так?

– Так...

– А Фока вернулся один?

– Да.

– Выходит, пока вы дрались и бегали домой, в школе оставались Миша с Лешеком вдвоём?

– Выходит так, – опять тихо подтвердил Еня.

– Да не оставался я с Лёкой в школе! – отрицал Мишка.

– Штырбу, помолчи, – одёрнула его Анастасия Фоминична.

– Почему вы им верите, а мне нет? – возмущался паренёк.

– Дойдёт очередь и до тебя, – подоспела на помощь коллеге Нина Степановна. – Мы тебя пока не обвиняем. Мы хотим разобраться в этом проступке...

– Скажи нам, Янек, могли Миша с Лешеком без вас открыть шкаф? – обратилась к среднему брату Анастасия Фоминична.

– Наверно, могли... Я не видел... Так Фока же признался!

– Так, значит, ты не видел... Лешек, а вы чем занимались, пока не было братьев?

– Чем-чем, – шлёпал губами Лёка, – не помню уже...

– А ты припомни-ка, напряги свою память.

– Дрова таскали к печкам. Точно.

– Один ты или и Миша помогал?

– Да не было ничего такого! – опять не выдержал Мишка. – Это я раньше им помогал дрова таскать. Ещё в первой четверти.

– И ты, Лешек, стало быть, не открывал замок? – не слушая Мишку, продолжала учительница.

– Н-нет, – замешкался Лёка.

– Та-а-ак. Хорошо. Что было дальше?

– Ну, это... Фока когда вернулся – я домыл в подсобке и ушёл со школы.

– И не стал даже помогать брату?

Замолчал Лешек, будто воды в рот набрал.

– Ясно. По-вашему выходит, что в школе остались только Миша с Фокой? Так, я вас спрашиваю?

– Так, – признались Фока с Лёкой.

– Да врут они все трое! Врут! Не был я с ними в школе! – опять не выдержал Мишка наглости братьев.

– Получается: они втроём врут, а ты один правду говоришь? Так, что ли? – ополчилась на Мишку учительница.

Переглянулись учительницы между собой. Вот задачка!

– Что будем делать? – спросила Анастасия Фоминична коллегу.

– Может, распустим линейку? Пусть ребята по домам идут, – предложила Нина Степановна. – А этих четверых оставим ещё, побеседуем с ними при родителях.

– Наверное, и Лешека с Янеком надо отпустить. Похоже, Фока правду говорит, – поддержала Анастасия Фоминична.

– Анисья Кузьмовна, – обратилась к матери Кубецких Нина Степановна, – сходите-ка к Штырбу. Если Роман Тодорович дома – пригласите его в школу.

Вышла тётка Анисья, молча запахнув фуфайку и поправив платок.

– Ребята, ступайте по домам, – громко произнесла Анастасия Фоминична. Останутся Миша и Фока. Пусть зайдут оба в учительскую...

Загалдела, зашумела ребятня потревоженным ульем. Захлопали двери классов, крышки парт. Топот-беготня наполнили школу. Спешно натягивались фуфайчонки и пальтишки, надевались шапки и платки. И между тем – ропот: «Ну Миха даёт!» «Ну Кубеки и врать!» «Не верю я, что это Мишка сделал!» «Кубеки мстят ему!»

– Миха, не признавайся! – крикнул Кузя, будто Мишку собирались увести не в учительскую на разбирательство, а в гестапо – на пытки.

– Глянь-ка: Спутник прилетел! – сказал Кузе Попову Петька Беков, завидя на крыльце школы через открытую дверь Якова Фастовича Грушельского – мужа Анастасии Фоминичны. – Ему-то чё тут надо?

9

Грушельские в Краснояре появились в тот же год, что и Кубецкие. Кто говорил, что из Шерстобитова, а кто и вовсе – из Васюгана.

Грушельские – не Кубецкие, семья интеллигентная. Анастасия Фоминична – учительница. Яков Фастович... Кто его знает. Говорят, тоже прежде учительствовал.

В противовес своей жене – пухлой, невысокой, степенной женщине пожилого возраста – Яков Фастович выглядел высоким и сухощавым. Может, из-за того, что был паралитиком.

Его хрящеватый крупный нос навечно оседлали большие толстые очки, через которые ещё пуще лупатились еврейские глаза. Иногда он снимал очки, доставал из кармана мятый, но чистый носовой платок, промокал им слезящиеся глаза и долго тёр линзы.

Его большая голова, вроде болотной кочки, вразнобой топорщила жёсткие чёрные волосы. Её с трудом удерживала длинная и тонкая шея с выпирающим наружу кадыком. Подбородок беспомощно заваливался на грудь. Чтобы вернуть голову в нормальное положение, Яков Фастович приподнимал подбородок левой рукой.

Правая рука Грушельского сама требовала помощи. Не намного лучше было и с ногами. Они подкашивались при ходьбе. Удерживая равновесие, Яков Фастович, как по инерции, устремлялся вперёд. Казалось, что он всегда куда-то торопится, летит.

А тут спутник запустили в космос, да другой. Интересно! По радио говорили, в газетах про то писали. «Как они там летают без воздуха?» И ребятня, и взрослые выискивали на звёздном ков-

ре среди неподвижно мерцающих узоров движущиеся огоньки.

– Во-он он спутник! Лётает! – возбуждённо-радостно говаривала Стахова жена – тётка Маня. – Навроде нашего Грушельского.

– Где? Где?! А-а-а, вижу! Ты гляди-кось, и взаправду лётает! Ишь ты! Как Хвастович по деревне! – поддакивала ей тётка Анисья.

И стал Яков Фастович для всех деревенских с лёгкой руки Кубецких Спутником. Да так прочно приклеилось к нему это прозвище – кабы не жена-учительница – и фамилию Грушельских, наверное, позабыли бы в Краснояре. Иначе, как Спутником, за глаза уже никто и не называл его, даже ребятня сопливая.

Лётал Спутник из конца в конец деревни. То к одним в избу заглянет, то возле ограды других остановится. В библиотеке – избёнке с ветряком – частым гостем бывал. Все книжки там перечитал уже. А чем ещё заняться в деревне зимой неработающему инвалиду-пенсионеру? Скотины своей нет, стирку-уборку в доме сделать – нанимают. Хлеб печёт Мишкина бабушка, она же и воду из колодца им носит. Баре да и только!

В избе, что купил им сельсовет, чисто, всё прибрано. Кровати в спальне всегда заправлены покрывалами красивыми, на подушках накидки с рюшами. На стене зеркало большое, рядом гитара висит с алым бантом на грифе, как на шее. Стол со скатертью в горнице, на окошках цветы герани и занавески выбитые. И много-много книг везде. И газет тоже полно. Читает их Спутник, когда по деревне не лётает. Только вот табаком всё пропахло: курит Спутник папироску за папироской во всех комнатах.

– Баб, – спрашивает Мишка, глядя в окошко и завидев в нём Якова Фастовича. – А чё это Спутник так ходит?

– Какой тебе Спутник? – одёргивает его баба Тася.

– Ну, этот, Яков Фастович...

– То-то же... Спутник... Штабы я больше не слыхала такого!

– Ну, скажи, почему он такой-то?

– Клёш ево укусил, так он говорит. С ево он и захворал.

– Клёш? – удивляется Мишка. – Дак он ведь такой маленький! И в меня впивался летом... Клёш ведь не собака! Разве можно от него так захворать?

– Я вот тоже сомневаюсь. Господь Бог это ево наказал! Согрешил Яков Хвастович шибко...

– А как это – согрешил? – допытывается внук.

– Люди сказывали: на иконах он плясал. Да ещё одна в руках – Пресвятая Богородица, будто в обнимку с ею кружился...

– А зачем это?

– Доказать хотел, что Бога нету. Будто ба, када церквы-то разоряли, Хвастович наш ахтивистом был. Иконы всякие со стен церквей срывали, ломали их, на костре жгли – прости меня Осподи! А он будто ба ещё и смеялся да приговаривал: «Пускай меня ваш Бог покарает, если он есть...» Грех-то какой! Избав, боже. Бог-то и наказал ево за то... Клёш... Как ба не клёш... Это, вить, отговорка у ево така, что клёш укусил...

Бог ли наказал, клещ ли укусил, а может, и в самом деле – Бог через клеща, только болезнь у Якова Фастовича Грушельского страшная приключилась, неизлечимая.

Рассудок остался рассудком, память – что у молодого, речь – каждый позавидует, а немощь плоти – не приведи Господи! И головой часто маялся, усугубляя непомерным куревом. А ещё Яков Фастович попивать стал. И напиваться. Тогда ноги его совсем отказывались влачить немощное тело. И голова никак от груди отделяться не хотела. И руки не слушались совсем.

В доме Штырбу Яков Фастович частый гость. И не потому, что дома их почти рядом стоят. И не только потому, что два раза в неделю он приходит за свежим хлебом, что печёт им баба Тася. А то и вовсе – молока, масла, яиц у них купит.

Раз Мишка припозорился с этими яйцами. Дружок Серёжка Димитров научил его, как можно выпить свежее яйцо, не ломая скорлупу. Не знаете? Вот и Мишка не знал. А тут всё просто оказывается. Надо взять яйцо, иголкой проколоть скорлупу с двух сторон и аккуратно всё высосать постепенно. Потом взять шприц и закачать в яйцо воду. Дырочки махонькие, что остались, после надо замазать свежим куриным помётом. Вот и всё – яичко целёхонько! Положил раз такое яичко Мишка обратно в корзинку, подшутить решил. А баба Тася с девятью другими его Якову Фастовичу продала... Пришлось менять и извиняться. Досталось тогда Мишке за такую шутку!

Так вот, ходит Спутник к Штырбу в дом ещё и потому, что приглянулись чем-то друг другу Мишкин отец и Яков Фастович. Может, потому, что выходцами оба были из Молдавии: и еврей Грушельский, и молдаван Штырбу. Правда, о том, что Яков Фастович еврей, Мишка не знает. И не догадывается даже. Спутник и «г» произносит твёрдо, не так, как пан Кумпанский, у которого вечно противно пахнет изо рта...

В Сибирь Грушельский угодил намного раньше Штырбу. Вроде как воевал-партизанил на Дальнем Востоке вместе с Сергеем Лазо. А оттуда уж в Нарым угораздило. Комсомольским активистом, вожаком там был. Курсы учительские в Томске закончил, ездил по области лектором-пропагандистом. Потом учительствовал, директорствовал в Васюгане в детском доме. Там и женился на учительнице. Дочь воспитали. Выросла – упорхнула пташкой теплолюбивой в Молдавию, на родину папаши. Каждое лето уезжают Грушельские к ней в гости. Поговаривают в деревне, что и вовсе переехать к ней собираются.

Придёт Грушельский к Штырбу, постучится в дверь по-культурному, ногу в большом высоком валенке перетащит через порог, очкастую голову в шапке-ушанке приподнимет левой рукой, поздоровается. Всех взрослых он по имени-отчеству называет. И не ругается никогда матом. Не то что Мишкин папка: тот и по-русски, и по-молдавански заворачивает в тригоспода бога душу мать, когда рассердится. И родители Мишки его навеличивают: Яков Фастович да Яков Фастович. И за глаза редко совсем когда Спутником назовут.

– Что читаем, Роман Тодорович? – интересуется Грушельский.

– Это... как её... Река угрюмая, – отвечает, замявшись, Роман, откладывая в сторону толстенную книгу.

– Как-как? Может, «Угрюм-река»?

– Точно, – смущается старший Штырбу. – Интересная книжка, правдивая.

– Где ж ты её взял, Роман Тодорович?

– Сотников Иван дал почитать.

– Да-а, – возбуждается Яков Фастович, – я эту книжку лет пятнадцать искал! Надо же! Где встретились! Хочу перечитать. Широкое полотно сотворил Шишков! Такой масштаб! Генезис капитализма в России показал. Да как ловко всё, грамотно! Какая динамика, какая экспрессия! А характеры чего стоят! Каков Прохор Громов, а?! От наивного безусого юнца и до матёрого капиталиста-золотопромышленника вырос! А приказчик, Илья Сохатых?! А батька Пётр, дед Данила! Анфиса-то какова! Да-а-а, «Угрюм-река» – непременная классика! Придёт время – в школе проходить будут. А я ведь знавал Вячеслава Яковлевича, как же... Встречались с ним в Томске. Сильно Шишкова за эту книжку уважаю! Я бы его как писателя в один ряд с самим Горьким поставил, с Шолоховым. Да, пожалуй, ещё с Алексеем Толстым – за его трилогию «Хождение по мукам». Читали?

– Н-нет, – признается Мишкин отец. – Некогда всё. Зимой который раз и раскроешь каку книжку, а летом – когда?

– Надо, надо читать! – наставляет Грушельский. – Книги – большая сила! Никакое кино не сравнится с хорошей книгой. Нет! Не та мощь, не те средства выразительные! Хотя... как знать... Со временем, может быть, и дорастёт кино до литературы... Если вырвется из идеологического хомута.

Интересно Мишке слушать Спутника, век бы слушал! Не всё, правда, пока понятно, о чём это говорит он. Примолкли и отец с мамой. Баба Тася и подавно – неграмотная.

– Ну, как сегодня со временем, настроением? В картишки перекинемся? – спрашивает Грушельский.

– Придут Сашка с Жоржиком – сыграем. Может, в «тыщу», а может, и пульку распишем. Да вы раздевайтесь, присаживайтесь к столу. Орешки пока пощелкайте.

Мишке нравится, когда зимними вечерами у них собираются мужчины и играют в карты. Мишкин папка сердится, проигрывая, а Яков Фастович похохатывает. Про какие-то мизеры, пасы, марьяжи, взятки говорят – ничего не понять. То ли дело в «пьяницу» поиграть! Так-то папка не разрешает карты брать, прячет от Мишки с Костей. Но тут совсем другое дело! Шохи, семёрки и восьмёрки лишними оказываются – это, когда взрослые в «тыщу» играют или в «шестьдесят шесть». Отсортируют их из колоды, Мишке передадут. Тогда-то уж они с Костей наиграются в горнице на полу. Можно домики из них строить, можно раскладывать, как захочешь, а можно и в «пьяницу» резаться.

Не нравится Мишке, что курит у них в избе Яков Фастович, когда играют в карты. Папка-то

не курит вовсе, а Спутник смолит папироску за папироской, да всё «Беломор». Так понадымит – всё синё. И пахнет после этого нехорошо.

А недавно маме плохо было от этого дыма, когда гости разошлись уже после игры. Испугался тогда Мишка. И папка его, и баба Тася, и Костя – все вокруг мамы. Двери открыли – проветрить, водой на неё брызгали, таблетки давали. А она лежит на кровати и что попало бормочет – бредит, про чертей каких-то несёт. Ох и испугался тогда Мишка, что мамка помрёт, как у его дружка-одноклассника Генки.

Пуще всего любит Мишка, когда отец в руки гармошку берёт! Не на гулянке где-нибудь, просто так – дома. Играет на ней и поёт. А ещё лучше, когда мама к нему присоединится. И так ладно, так складно у них выходит! Заслушаешься! Особенно эта:

Над волной голубой синяя прохлада,
Нам с тобой, дорогой, повстречаться надо...

Уж до того красиво, дух захватывает у Мишки. Или вот эта ещё:

Над широкой Обью бор шумит зелёный,
Над широкой Обью чайки в вышине...

Мама с отцом так поют – хоть на концерте их слушай, получше бабы Таси с её:

Ванька с нянькой поругались,
Нянька князю донесла...

И гармошка так голосисто выводит, басы поддыркивают, будто сама выговаривает. И как это только папка знает: куда нажимать надо, на какие кнопки? И даже не смотрит на них. А их столько много, с обеих сторон! Вот бы и ему, Мишке, так научиться играть!

Он просит отца показать ему: куда, на какие кнопки нажимать. Показал отец раз, другой – не выходит у Мишки, как у папки. Тогда с одних басов взялся Мишка.

Сидит Мишка в горнице на табуретке, играть на гармошке учится. Растягивает меха цветастые, ремень через плечо перекинул, как у деревянного автомата. Указательным и средним пальцами левой руки давит по очереди на кнопки, похожие на гильзочки от тозовки, только покрупнее малость.

«Ты-ра-та, ты-ра-та», – слышится ему, когда он не сбивается.

«Ту-ра-та, ту-ра-та» – хрипато выплёвывает гармошка.

Тыркает Мишка уже с полчаса. И вчера тоже туркал, разрешил ему папка гармошку взять.

Белобрысый Костя крутится вокруг Мишки, клянчит у него гармошку, нажимает на круглые пуговицы голосов. От радости и озорства поблёскивает у Кости в глазах и под носом. Ему тоже охота научиться играть на гармошке, хотя бы как Мишка...

– День добрый, Таисия Ивановна, – здоровается Грушельский, входя в избу. – А я гляжу, у вас весело! С музыкой живёте. Это хорошо...

Шаркая, на полусогнутых, он проходит к столу, ставит на него пустой трёхлитровый бидончик, смотрит в проём горницы, где сидит и пиликает Мишка.

– Похвально, молодой человек, похвально, – одобрительно отзывается Спутник.

– Он ещё только учится, – подсказывает Костя.

– Я это понял, – серьёзно отвечает Грушельский.

– И получается у него: мо-ло-ка, мо-ло-ка, – хихикает младший брат Мишки.

– Это ничего, что пока лишь «мо-ло-ка». Из молока иногда и масло выйти может...

Приятно такое слышать Мишке! «А что?! Вот выучится играть на гармошке! Получше папки! Нет, как слепой Максим Панфилович! Тогда, тогда...» – Мишка аж захлёбывается про себя от того, что может быть тогда...

10

В учительской собрались Анастасия Фоминична, Нина Степановна да Мишка с Фокой. Обе учительницы на стулья, за стол уселись, что находился между окон, напротив двери; школьники – стоя, в левом углу. Воцарилось тягостное молчание, которое нарушил Спутник. Грушельский перековылял через порожек, поздоровался, снял с головы чёрную кожаную шапку, протёр платочком подёрнутые изморозью толстые очки, причесался расчёской, дунул на неё и положил в карман.

– Пашу накормил? – обратилась к мужу Анастасия Фоминична, справляясь о пятилетнем внуке.

– Накормил, накормил. Яичницу пожарил, молока дал, хлеба с маслом. Конструктор оставил ему, пусть один поиграет, – отозвался Яков Фастович. – Сама-то обедать собираешься сегодня, нет?

– Вот, субчики, – кивнула недосказанно учительница на ребят.

– И по какому случаю сей почтенный консилиум? – умничал Спутник.

– А ты в своём амплуа, – отозвалась жена. – Пусть сами рассказывают.

– Ясненько, – произнёс Грушельский, грузно усаживаясь на свободный стул и доставая пачку папирос. – Что-нибудь набедокурили?

– Слушай, Яков, ты бы не курил хоть здесь, – раздраженно произнесла Анастасия Фоминична. – И без этого мигрень разыгралась. Чего пришел-то?

– Шёл в библиотеку. Думаю, дай загляну, спрошу, когда домой пойдёшь.

Яков Фастович послушно убрал пачку «Беломора», дрожащей рукой вынул из коробка спичку и зажал её в зубах, слегка покусывая. Вошли Мишкин отец и тётка Анисья. Поздоровались. Тесновато стало в учительской.

– Вот, Роман Тодорович, полюбуйтесь на сына, – без экивоков начала Грушельская.

Как и на линейке, Мишка по-прежнему пребывал в каком-то недоумённо-возбуждённом состоянии. Будто кино смотрел со стороны, не про себя. «Ну при чём тут я, Мишка?! Нелепость какая-то! Да не было меня в школе вчера с Кубецкими! Почему они не хотят поверить этому?!»

– Вчера после уроков эта парочка, – пояснила суть дела Грушельская, – открыла, нет – взломала замок. Залезли в шкаф и украли сахар с пилками для лобзика... Дело, разумеется, не в сахаре и пилках... Сам факт нас настораживает и возмущает. Хочу посоветоваться: как нам быть, что будем делать с ними? Передавать нам это дело в милицию или как?

– Ну, так уж сразу и в милицию? – отозвался Спутник. – Может быть, своими силами справимся? – подмигнул он лупатыми глазами школьникам: дескать, я – за вас.

Зыркнул Роман Тодорович на своего сына. Желваки под скулами заиграли в гневе: «Докатились до воровства! Скорноу мэти!»

– Не крал я ничего! – как и перед линейкой, повторил Мишка.

– Ну, а ты что скажешь? – обратился Грушельский к Фоке.

– Вместе с Мишкой были, – отводя в сторону глаза, но настойчиво отозвался Фока.

– И когда это было, в котором часу?

– Уже под вечер... Темнять стало...

– Не было меня в школе с ним, – отрицал Мишка.

– Помолчи! – оборвал его отец. – Сумел натворить – имей смелость хоть признаться в том!

«Вот и отец не верит мне, – жгла Мишку обида. – Да что они, сговорились все, что ли?! Разыгрывают меня?»

– Нина Степановна, – обратилась Грушельская к коллеге, – у тебя таблетки от головной боли случайно нет?

– Нету, – ответила та.

– Придётся домой идти... Вы тут пока без меня поразбирайтесь. Схожу-ка я, внука посмотрю да и пообедаю заодно.

Анастасия Фоминична надела тёплое тёмно-синее драповое пальто с большим пушистым воротником из чернобурки, водрузила на голову такую же шапку и степенно покинула учительскую.

– Ну, так как же всё происходило? – перехватил инициативу жены Яков Фастович.

– Робятёшки, признавайтесь во всём, повинитесь, просите прощения, – тараторила тётка Анисья. – Вам же самим лучше будет...

Мишка и Фока стояли молча, опустив головы. Переглянулись. Своим взглядом Мишка пытался напрямую перехватить лисьи блуждающие глаза Фоки. Тот постоянно увиливал, как от жалящего мячика, когда играли в лапту.

– Ну-тес, молодые люди, с кого начнём? – спросил Яков Фастович. – С Кубецкого? Выкладывай нам всё, как было. Только честно!

– А чё говорить? – набычился Фока. – Я уже всё сказал...

– Это ты им говорил, а теперь нам расскажи, – настаивал Грушельский, достав папиросы и закурив.

– Ну, вчерась мы... это... сперва убирались. После уроков. Потом Мишка пришёл...

– Так, что дальше было? В этом я пока никакого криминала не вижу.

– Ну, потом шкаф открыли... – мямлил Фока.

– Что, вот так, ни с того ни с сего, взяли – и открыли? Кто предложил? Чья идея? Чем открывали? У вас ключ был?

– Нет, не было...

– Тогда чем открывали замок?

– Гвоздём...

– Гвоздём? И кто открывал? Кто предложил открыть шкаф? – наступал Спутник, входя в роль следователя.

– Он сказал, что там пилки лежат, – валил на Мишку Фока. – По очереди открывали. Сперва я, опосля он...

– Да врёт он всё! Не открывал я никаких замков, – негодовал Мишка.

– Так, Фока, продолжай, – не обращая внимания на реплики Мишки, произнёс Грушельский.

– А чё продолжать? Ну, открыли мы его, взяли сахар, пилки...

– Кто брал? Ты или Штырбу? – спросила молчавшая до того Нина Степановна.

– Обои, разом, – пёр напропалую Кубецкий-младший.

– Что, так вот – взяли, открыли и оба кинулись к одному мешочку? – допытывалась учительница.

Замолчал Фока. Насупился, раскраснелся. Искоса глянул на мать. И тётка Анисья тут же – с провинившимися рядом, тёплый платок развязан, на плечи спущен. Стоит озабоченная.

– Папка, – со слезами на глазах обратился Мишка к отцу. – Ну, не было всего этого, не верь ему!

– Зачем ему на тебя наговаривать, если не было этого? – засомневался Роман Тодорович.

И тут дошло до Мишки: «Мстят это они за выданный тайник с оружием! Только как всё это взрослым-то объяснишь?»

И Мишка, как Мальчиш-Кибальчиш, про которого им совсем недавно читала в классе учительница, решил: «Ни за что не сдамся! Не выдам им свою «военную тайну!».

Короткий зимний сибирский день уже давно перевалил через половину. Миновало и время обеда. А у Мишки с утра во рту ещё ничего не было, кроме ломтя хлеба и кружки молока. Даже чай в переменку не попили, и домой сбегать не успел, стояли на этой дурацкой линейке. Где-то внутри сосало от голода, как прошлым летом, когда они заблудились с Серёжкой в лесу, собирая колбу, и бродили весь день до самого захода солнца. И голова стала болеть. А ещё уроки на завтра надо делать... Костюм новогодний мама шить Мишке обещалась... Теперь, поди, и вовсе не сошьёт...

По тому, как подробно и уверенно выкладывал всё Фока Кубецкий, выходило, что всё-таки это они с Мишкой совершили кражу. Да ещё со взломом...

– Я думаю так. Раз Миша не признаётся, что был вместе с Кубецким, пусть они вдвоём ещё подумают, как следует, – предложил Грушельский. – Оставим-ка их одних.

– Вот-вот, без обеда! – поддержал его Роман Тодорович, – может, посговорчивей станут.

– Подсобное помещение свободно? – спросил Спутник у тётки Анисьи.

– Прохладно только там. Я ещё севодни не топила, – ответила мать Фоки.

– Ребята не простынут там? – засомневалась Нина Степановна.

– Ничего, на пользу пойдёт, – безжалостно ответил Мишкин отец.

Выпроводили из учительской Мишку с Фокой в подсобку, лязгнул замок снаружи. Мишка на Фоку с кулаками кинулся, молотил его в охватившей ярости.

– Ты чё, гад, на меня сваливаешь? – захлёбывался Мишка в негодовании. – Когда это я с тобой гвоздём замок открывал? Какие пилки я воровал?

Фока от Мишки отбивается, швабру схватил, что в углу стояла, машет ею. И скалится.

– А будешь знать, как наш тайник выдавать! Предатель!

– Сравнил тоже! То ведь – совсем другое... вроде как игра была... – оправдывается Мишка.

– Игра? – ехидничает Фока. – Какая игра?! Вот тогда и это тоже игра!

– Это игра? – возмущается Мишка. – Да нас же из школы исключат за воровство! – совсем по-взрослому рассуждал он.

– Не исключат, – лыбится Фока Кубецкий. – С тобой не исключат...

– Ах ты, сволочь! Выходит, ты это мною прикрываешься? – опять осеняет Мишку. – Я так и расскажу им тогда!

– Ну расскажи-расскажи, – подзуживал Фока. – Много они тебе верят? А мне верят!

Разошлись по разным углам – запыхавшиеся, возбуждённые. Уселись на расшатанные коричневые стулья. Замолчали надолго. Мишка в окошко смотреть начал...

Зябко в подсобке. Хоть бы фуфайки им сюда кинули, что ли. И есть хочется. В глазах у Мишки мурашки забегали, зайчики заплясали. И вот уже не видит он целиком ни Фоку, ни заснеженные деревья, что стоят на той стороне Чузика, ни печку холодную, ни доски с брусками, что пилят и строгают они на трудах. И в са-

мой голове, приливами, тупая боль. Будто тисками лоб сдавливать начинают. «Когда же это кончится всё?»

И припоминаются Мишке рассказы мамы и бабы Таси, как посадил на цепь своего воровато-го сына Гошку один их деревенский мужик. К столу приковывал, когда из дома уходили все. И сидел этот Гошка на цепи один-одинёшенек целыми днями голодный. А мамка Мишкина – совсем девчонка ещё, с подружками, бегали смотреть на него в окошко. И бросали ему в форточку куски хлеба с варёной в мундирах картошкой, как собачонке какой. Помер, говорят, Гошка прямо на цепи. Уморил его отец. А всё – за воровство...

Часа через полтора, когда окошко потемнело, замок звякнул. Выпустили узников, да не домой. Опять в учительскую завели. И снова дымит папироской Спутник. Под хмельком, похоже. И обе учительницы тут же. И отец Мишкин с тёткой Анисьей.

– Ну как, надумали? – возобновил расспросы Спутник. – Давайте по-мужски поговорим. Миша, будь мужчиной, признайся! Признаешься – первым руку подам тебе. Вместе были с Фокой, так? Так ведь?

– Не был я с ними, – заплакал Мишка от обиды.

– Значит, нет? Ну что же, будем заканчивать. Тогда, Роман Тодорович, так и поступим, как договорились: оставим их здесь до утра, а завтра вызываем Ламинова. Пусть везёт их в Пудино. Дело на них заводит... Уж он-то с ним разберётся, кто прав, кто виноват...

– Не надо Ла-ми-но-ва, – сломался, заревел Мишка. – Был я с Фокой...

Он захлёбывался слезами и горечью обиды, продолжал, заикаясь:

– Это мы ук-ра-ли... са-хар с... пил-ка-ми...

– Ну вот, видите! Это уже совсем другое дело! – торжествовал Грушельский. – Вот это – по-мужски! Вот это по-честному! Давай, давай мне свою руку...

Мишка, размазывая по лицу слёзы и сопли, вытер правую руку о штаны и вяло подал её Грушельскому – ему уже было всё равно. Только укоризненный взгляд дружка и командира Серёжки Димитрова почему-то виделся сейчас Мишке Штырбу...

11

Участковый милиционер Ламинов всё-таки приехал. Спустя два года. Вызвал его сам Роман Тодорович. Поводом тому была простреленная шапка Мишки. А проболтался Сидор.

Царапину на затылке Мишки заметила лишь баба Тася.

– Чё это у тебя? Вроде как кровь...

– Баб, это мы играли с ребятишками. По крыше на ферме бегали. Гвоздём зацепился, поцарапал... Заживёт!

– Заживёт, заживёт... – ворчала баба Тася. – Где вас токо черти носят? Пошто вам, как людямто, не играется? Ой, Минька, бедовая твоя головушка! Не сносить тебе её до старости, ой не сносить...

На том вроде и успокоились. «Пронесло», – радовался Мишка. Шапку его они после охоты у Кубецких втихаря ото всех подлатали, замаскировали, насколько смогли. Снаружи и незаметно вовсе.

Сидор Кузе-лейтенанту рассказал, как по Мишкиной шапке Лёка на охоте стрелял. Кузя – Тольке Кичигину. Тот – своему дяде Саше. А дядя Саша к Мишкиному отцу в карты играть по вечерам захаживал.

– Похвались-ка своей новой шапкой! – интригующе попросил Мишку дядя Саша.

– А чё хвалиться? Шапка как шапка... Новая только, – отговаривался Мишка, почуяв подвох.

– Не скажи... Такой, как у тебя, у нашенских пацанов я ни у кого не видел.

Пришлось Мишке снимать шапку с вешалки и нахлобучивать её на голову.

– Хороша! Тёплая, должно быть? Себе, что ли, такую же купить, – нахваливал дядя Саша Мишкину шапку. – Подойди поближе. Дай померить.

Стащил шапку Мишка с головы, протянул гостю. Тот взял её в руки, сразу внутрь заглянул.

– А чего это у неё, вроде как дырка тут? Смотри, Роман, шапку ты с брачком купил сыну.

– Где, какой брак? – недоумевал Роман Тодорович. – Никакой дырки не было. Дай-ка мне посмотреть!

– Глянь-ка, и спереди – тоже дырка, вроде как навылет, – продолжал интриговать Романа карточный партнёр, передавая ему шапку.

– Где это ты так умудрился? – строго спросил Мишку отец. – Не напасёшься на вас, лечио мэти!

– Поди-ка сюда поближе, – подозвал Мишку дядя Саша. – Голову свою наклони. Та-ак, ясненько... Роман, посмотри сюда, что это у него?

– Поцарапал гвоздём, – запирался Мишка.

Настроение его разом упало, испортилось, как осенняя погода на ноябрьские праздники: с утра ещё вовсю морозец был, снег лежал кругом, а после обеда дождь пошёл, всё белое покрывало изъел...

– Выходит, и в самом деле, – раскрывал гость Роману тайну царапины на голове Мишки и дырок на шапке, – Лех это Кубецкий стрелял из тозовки...

– Как стрелял, кто стрелял? – вспылил Роман.

– А вот так – на спор по шапке, – продолжал дядя Саша. – А шапка-то на голове твоего парня была...

– Это правда? Правда, тебя спрашиваю! Чего молчишь как в рот воды набрал?! У тебя самого в башке-то мозги есть или одна мякина?

Молчал Мишка. А что ему было ответить взрослым? Разве они поверят, что это он сам себя в первую очередь испытывал, и Лёку Кубецкого? Тогда ведь, два года назад, не поверили, что не было его вместе с Фокой.

Это баба Тася одна: «Да штабы наш Минька без спросу в шкап забрался и сахар своровал – избав, Боже!»

А когда вечером он рассказал ей про всё: и про линейки, и про то, как их голодных заперли в подсобке, и про то, как тётка Анисья уводила своих огольцов, и про то, как было охота есть, болела голова и рябило в глазах – баба Тася одна пожалела его.

А отец ругался на маму с бабой Тасей за потакание Мишке... И баба Тася с укором выговаривала:

– Эх ты, отец! Сыну своему не веришь. Им веришь, а сыну – нет! Это она... Анисья... Её работа. Она, она научила их на Миньку показать... Штабы своим поменьше досталось... Она, небось, за своих заступилась, а ты... А этого Хвастовича я больше в избу, на порог не пущу. И калачей белых имя тоже напеку...

Забурлил, запенился Роман Тодорович молодым бордовым винцом каберне в дубовой бочке, бражкою в логушке, что на тёплой русской печи доходила, набирая крепость! Порывался тут же бежать – Лёку искать! Грозился самосудом, кумпол ему проломить, головёшку, как куренку, скрутить... Едва удержали, отговорили его напарники: Сашка с подошедшими расписать пульку преферанса Жоржиком глухим и паралитиком Спутником. Посоветовали Роману это дело так не оставлять – вызвать участкового Ламинова из Пудина. Дескать, пусть хоть тозовку отберёт у хулигана.

Старший лейтенант Ламинов приехал на вороном жеребце, в запорошенной снегом кошеве. Возле конторы колхозной остановился, бросил охапку сена лошади, расслабил супонь хомута, к столбу привязал. Вызвал Лёку. Грозил ему колонией для несовершеннолетних. Лёка, как всегда, шлёпал губами и запирался. Мол, нет у него никакой тозовки – ищите, если хотите! И не стрелял он ни в кого!

Очную ставку с Мишкой и Сидором Лёке учинил милиционер. Ламинов – не Роман Тодорович с Яковом Фастовичем. У него не то что Фока, Лёка – и тот признается! Для страху – пистолет свой в кобуре положил перед собою на зелёное сукно председательского стола отца Сидора. Пришлось всем признаваться. И рассказывать всё, как было – это вам не шкаф открыть да пилки из него слямзить...

Тозовку-мелкашку Лёка сам принёс Ламинову, выложил рядышком с пистолетом милиционера.

Не забыл Ламинов и расспросить всех троих: откуда она у него взялась? Те и про дом уехавшей из Краснояра Тамарьяны-молдаванки рассказали... А ещё штраф выписал тётке Анисье участковый, небольшой: пожалел женщину – дед Вацлав при смерти лежал.

В третий класс Лёку так больше и не переводили. Выперли с незаконченным начальным образованием. Мишке с Фокой снизили оценки по поведению за четверть и за второй класс, за год.

Война деревенских с Кубецкими закончилась как-то сама собою, незаметно: притёрлись друг к дружке, повзрослели, новые забавы появились, на девок уже заглядываться стали

Еня с горем пополам до шестого дотянул, подался после куда-то в СПТУ, в Парабель, а оттуда – прямиком на зону для малолеток: в драке пырнул кого-то заточкой.

Фока с Мишкой восьмой заканчивали вместе, в вечно сборном Б-классе, в Пудине. Дружбы большой не было, хотя и в драки уже не ввязывались. Первые свидетельства об образовании получили.

– Ну, признайся, почему ты тогда на меня наговорил? – допытывался Мишка у Фоки. – Я-то знаю, что это вы всё тогда подстроили. И в шкаф вы залезли, и сахар с пилками стырили... Доказать я тогда этого не смог никому. Сломали вы меня...

Помалкивал Фока долго, а на выпускном признался:

– Мамка так нам тогда сказала. Помнишь, заводила она нас всех троих в подсобку к себе? Лешек ведь всё это тогда натворил. И в шкаф залез, и украл тоже он... А кабы выяснилось, что это не мы с тобой – его, балбеса, сходу бы из школы выперли! Вот мамка и надоумила, чтобы вину я на себя взял... Сам же знаешь – лучшим учеником был в классе. Меня бы выгнать за это не решились. А чтобы меньше мне досталось – уговорила нас на тебя показать...

Обиды на Кубецких после этого разговора с Фокой Мишка не таил. Простить – простил. А вот забыть – не забывалось. А пуще всего временами подтачивали его за себя червячки сомнения в смелости да позора – где-то там, глубоко внутри, никому не видимые...

После восьмилетки Мишка Штырбу в ПТУ подался учиться на механизатора. Выучился, домой, в совхоз вернулся, получил новенький трактор ДТ-75. А тут – армия подоспела.

С Фокой больше не встречались, да и желания никакого не было, уж где того носило после школы, о том Мишка не интересовался. Попал Мишка на Дальний Восток, на загадочную речку Уссури – не окуней с чебаками ловить, прямехонько на погранзаставу, где командовал старший лейтенант Мельников.

12

Второй год уже служил на границе рядовой Михаил Штырбу. Освоился, попривык жить вроде постоянно сжатой пружины. Неспокойно стало на границе в последнее время. Что ни день, то сюрпризы со стороны китайцев. Так и нарываются на провокации. А с наступлением холодов лёд на Уссури в сплошной мост превратился – переходи, где хочешь. Одно хорошо: сопки прибрежные оголились – просматривается всё на километры. Вдоль берега Уссури торчат лишь голые ветки лимонника и колючего элеутерококка; треплет пронизывающий ветер повысохшие верёвочки лоз дикого виноградника. На сопках, по склонам вразнобой маячат дозорными пограничниками одни дубки-карлики.

Сидит Мишка в секрете с биноклем, по долине реки – обзор на несколько километров. И китаёзы совсем рядом, рукой подать, на том берегу Уссури, всё копошатся и копошатся чего-то, как муравьи. А то вдруг толпиться начинают. На груди у рядового Михаила Штырбу автомат АКМ, полный подсумок патронов на правом боку, коричневая телефонная трубка полевого аппарата рядом. В случае чего – сразу же сигнал на заставу, а там одно для всех: «Застава, в ружьё!».

Смотреть-то Мишка смотрит, наблюдает за происходящим, только в голове его всегда мысли-воспоминания крутятся, будто сами по себе, отдельно от рядового погранзаставы живут. И приказать им ни сержант Лабанов, ни старший лейтенант Мельников, ни замполит Торопов не смогут. Сам Мишка – и то не всегда им хозяином бывает. Или вдруг песня привяжется какая, крутится в голове нескончаемой пластинкой, одной-двумя строчками. Вот и теперь никакого покоя не даёт та, что пел в казарме вчера вечером под гитару годок Мишкин, сержант Юрка Лабанов из Кемерова:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...

Говорил Юрка, что стихи будто бы сам Есенин написал. Здорово! Душевно! Только вот никак у Мишки не вяжется: почему это вдруг позабылись родимые дали? Ему так – наоборот, вспоминаются, приоткрываются! Да так ярко, так отчётливо! Особенно, когда письмо от мамы из дома получит... В последнем написала, что баба Тася совсем расхворалась. Одними только надеждами и живёт – дождаться, увидеть своего Мишеньку. Опасается мама, что не дотянуть бабе Тасе до осени... И на похороны, поди, Мишку в таку даль к ней не отпустят... Ничего, не так уж и много осталось ему служить, чуть больше полугода: весна да лето, осень и в счёт брать не стоит.

Вспоминаются, открываются в памяти Мишке родимые дали: поляны, озёрца, овражки, кедрачи, покосная делянка на болоте, на Второй слани... Там он впервые в руки литовку взял после пятого класса, баба Тася и косить учила мягкое болотное разнотравье. И Чузик коричневый... Совсем не такой, как мутная своенравная Уссури. Посредине Уссури остров, наш остров, Даманский. Ничего, правда, особенного. Длиной – в километр-полтора. Позарос весь, как

сопки, непроходимым кустарником с ивняком. Нет, определённо, что-то не так написал поэт Есенин: разве можно забыть родимые дали?

После Нового года стал рядовой Штырбу помаленьку, втихаря от дедов, дембельские вещички к осени готовить из золотистой рондоли. И альбом дембельский. С рисунками, вырезками из журналов и газет, с фотографиями: видами Уссури, острова, сопок, заставы, китайской стороны, корешей-годков. Мама ему и фотоаппарат «Смена-6» с бритвой электрической выслала из дома. Накапливаются помаленьку фотки к альбому. И домой высылает который раз. Будет что показать своим друзьям на гражданке, не только одни павильонные, в парадке. Да и где тут, на заставе, ателье взять?

А ещё после Нового года всё чаще стала раздаваться команда «Застава, в ружьё!» Весь личный состав заставы тогда в считанные секунды высыпает из казармы на плац-построение, и с него уже – по местам, на оборонные точки.

Тёмных фигурок китайцев, что ни день, всё больше и больше становится, контрастируют на белом снегу вроде косачей. И окапываются, зарываются, как косачи, в свои норы. Лопочут что-то на своём, выкрикивают угрозы в адрес пограничников, размахивают над головами серыми листками дацзыбао, цитатниками Мао, советскими автоматами Калашникова. И полукилометра не отделяет их порой от наших пограничников. День ото дня всё наглее становятся, агрессивнее, буром прут на заснеженный лёд Уссури; на нейтралку выбегают, к нашему острову подбираются всё ближе и ближе.

На политзанятиях замполит лейтенант Торопов разъяснял: дескать, китайцы претензии на Даманский имеют, будто бы он – их исконный. Дался им этот остров! Он и нам-то столько же нужен: ни пахать, ни сеять на нём не будешь. Клочок суши посредине реки, затапливаемый почти полностью в половодье дикой Уссури.

Пару раз получал уже рядовой Штырбу приказ: открыть предупредительный огонь. И он стрелял из своего автомата поверх голов одичавших фанатов. Автомат гулко стрекотал, градом рассыпая стреляные гильзы и наполняя воздух пороховой гарью.

Приближалась весна. Днями на солнце подтаивать стали дозорные тропинки, асфальтовый плац. В затишье от ветров, в сопках, стали нагреваться чёрные бока каменюк. Оживились длиннохвостые пёстрые фазаны, готовясь к токовищам.

1 марта 1969 года казарменный дневальный подал команду «Подъём!». Дежурный сержант выстроил заставу в две шеренги, вывел перед строем молодого пограничника. Тот поздравил дедков с наступлением весны. Стало быть, и всем остальным до дембеля на одно время года меньше служить осталось. Хорошо как-то на душе сделалось у Мишки Штырбу с самого утра. И корешок, Юрка Лабанов, всегда серьёзный – тоже дурачится, над молодыми подтрунивает. Говорит, что на гражданке хулиганистым был.

2 марта после утреннего развода передал сержанту Лабанову Мишка свою «Смену», попросил пощёлкать его, если китаёзы опять на лёд сунутся, а он будет из своего «калаша» стрелять предупредительными.

«Застава, в ружьё!» – прозвучало около полудня, как-то даже уже привычно для пограничников. Высыпали на плац в белых маскхалатах. Автоматы с ручными пулемётами лишь чернеют спереди да подсумки с патронами на боках. Заняли поотделенно точки обороны.

На той стороне Уссури сотен пять хунвэйбинов собралось против тридцати наших погранцов. И яркое солнце вычерчивает на голубом снегу чёрные тени, отчего китайцев кажется ещё больше.

Весенними ручейками хлынули в Уссури хунвэйбины, к острову потекли. Хлёсткие щелчки автоматов и короткие очереди раздаются уже со стороны толпы. И в руках фанатов сегодня не только цитатники и дацзыбао – наши же автоматы через одного. И скандирование-тявканье на непонятном языке. Синхронно вверх вздымаются над фигурками китайцев сжатые в кулаках руки, совсем как у дикарей Полинезии или Центральной Африки – воинственно-ритуальные скачки с воплями...

Дрожь, мандраж у Мишки от такого психоза. И не только у него одного. Да только виду не подают пограничники, давят, как тараканов, внутри себя нарастающие страх и тревогу. Закурил Мишка сигарету «Шипка» – руки ходуном ходят, когда прикуривал от спички. В три затяжки сигарета кончилась. Поспокойней вроде стало.

Четверых солдат подозвал к себе старший лейтенант Мельников. Лабанову приказал прикрытием с материка командовать. В числе четверых – и рядовой Штырбу.

Двинулись в белых маскхалатах впятером, с командиром заставы во главе, с автоматами на груди к берегу Уссури, к китайцам, вроде парламентариев. На лёд вышли, развернулись цепью, как охотники на зайцев, в сажени друг от друга.

Командир расчёта прикрытия сержант Лабанов автомат свой в сторонку отложил. Быстренько достал фотоаппарат Мишки, взвёл его, поставил метраж на бесконечность, глянул в глазок видоискателя. Выхватил в кадре заснеженную Уссури, толпу китайцев и пятерых пограничников, со спины, шагающих к середине реки. Между толпой хунвэйбинов и пограничниками оставалось уже не более пятидесяти шагов. Нажал сержант Лабанов на кнопку фотоаппарата. Есть кадр! Классный! В альбом пойдёт. Дубль решил сделать. Перевел плёнку на следующий кадр, взвёл затвор, щёлкнул.

В ответ донеслись сухие автоматные очереди китайцев.

Рядовой Михаил Штырбу шагал навстречу бессмертию, проваливаясь неуклюжими валенками в рыхлый снег поверх льда Уссури.

Как и на берегу несколькими минутами раньше, его тело пронзал озноб, совсем как тогда, когда он шёл к Сидору, а позади него оставался Лёка с тозовкой в руках. Теперь перед ним была орущая толпа китайских фанатов, а в голове отдельными кадрами мелькали с невероятной быстротой и отчётливостью эпизоды его недолгой жизни. И всё почему-то из детства: то Лёка целится в него из мелкашки, то он стоит перед отцом и Спутником, как партизан на допросе, то его вытаскивает из ледяной воды дружок Серёга Димитров, то он падает с кедра...

Рядовой Штырбу шёл крайним слева, пересиливая себя и гася в себе тревогу и нахлынувший животный страх. Он всё ещё надеялся на то, что всё обойдётся, что так не бывает, чтобы по ним стали стрелять. А на него почти в упор смотрели, выцеливали десятки смертоносных зрачков автоматов китайцев. И они, узкоглазые, плосколицые, смуглые, казались ему все на одно лицо, вроде рыжиков дядьки Стаха.

«Сейчас выстрелят! – будто кто подсказывал ему изнутри. – Падай на снег, занимай боевую позицию!» Но он, как и четверо его спутников, шёл вперёд, не отставая ни на шаг. Шаг, ещё шаг...

Мгновенной фотовспышкой мелькнули огоньки из автоматов китайцев. И ещё он успел уловить автоматный треск.

Его ударило в грудь. Он повалился на сверкающий снег Уссури. И почему-то сразу стало трудно дышать. Как подкошенные упали и остальные четверо пограничников...

«Заметался пожар голубой», – померещился ему голос Юрки Лабанова.

А Лабанов уже вёл прицельный огонь по китайцам, приняв на себя командование заставой.

...Приоткрылись ро-ди-мые да-ли... – застыли неподвижные голубые глаза рядового Михаила Штырбу на запрокинутом навзничь безусом лице.

Хлынули китайцы к пятерым поверженным пограничникам, лежащим на снегу в красных лужах. Озверело пинали, топтали их, кололи штыками, стреляли в упор в уже успокоившихся.

Но Мишка совершенно не чувствовал боли.

И ему уже было совсем не страшно...